

© Little, Brown and Company

© New York Boston London

© David Grann

© Евгений Мордашев. Перевод на русский язык,
2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Moim mame i pane

Хроника первая

Женщина под прицелом

Этой благостной ночи не потревожила даже тень зла, ибо она прислушивалась, не раздалось ни голоса зла, тишину не прорезал ни один пронзительный совиный крик. Она знала это, ибо всю ночь прислушивалась.

Джон Джозеф Мэтьюз
«Закат»

Глава 1

Исчезновение

В апреле поросшие дубравами холмы и обширные прерии резервации индейцев-осейджей в Оклахоме устилают мириады мелких цветов. Анютины глазки, виргинские клейтонии, голубые хоустонии...¹ По замечанию летописца осейджей Джона Джозефа Мэтьюза, эти галактики лепестков кажутся «конфетти, рассыпанными богами»². В мае, когда койоты воют на пугающе

огромную луну, цветы покрупнее вроде традесканции и волосистой рудбекии начинают теснить малюток, отнимая у них свет и воду. Те никнут, опадают и вскоре уже покоятся под землей. Потому май осейджи называют месяцем, убивающим цветы.

24 мая 1921 года Молли Беркхарт, жившая в осейджском поселении Грей-Хорс, Оклахома, забеспокоилась, не случилось ли чего с одной из трех ее сестер, Анной Браун. 34-летняя Анна, которая была старше Молли меньше чем на год, пропала три дня назад³. Она часто уходила в «загулы», как их пренебрежительно называли в семье: танцевала и выпивала с друзьями до самого рассвета. Однако на сей раз прошла ночь и еще одна, а Анна так и не появилась, как обычно, на веранде – длинные черные волосы слегка растрепаны, темные глаза горят стеклянным блеском. Зайдя, Анна любила сбросить туфли, и Молли тосковала по успокаивающему звуку ее неспешных босых шагов. Вместо него была лишь тишина, как в прерии.

Без малого три года назад Молли уже потеряла другую сестру, Минни. Та умерла шокирующее скоропостижно, и, хотя врачи объясняли ее смерть «необычайно изнурительной болезнью»⁴, Молли втайне грызли сомнения: Минни было всего 27 лет, и на здоровье она никогда не жаловалась.

Имена Молли и сестер, как и их родителей, были занесены в племенной список осейджей. Это значило, что они являлись официально зарегистрированными членами племени. А также – что они были богаты. В начале 1870-х годов осейджей вытеснили из Канзаса, с их земель в скалистые, казавшиеся бросовыми резервации на северо-востоке Оклахомы, однако спустя всего несколько десятилетий здесь открыли одно из крупнейших в Соединенных Штатах нефтяных месторождений. Нефтепромышленники вынуждены были платить индейцам за аренду земли, а также за право разработки природных ресурсов. В начале XX века каждый из списка племени ежеквартально получал чек. Поначалу он составлял всего пару долларов, однако со временем, по мере расширения нефтедобычи, дивиденды достигли сотен, а потом и тысяч. Они росли каждый год, и подобно тому, как ручьи прерий, сливаясь, образуют широкую мутную реку Симаррон, так индейцы племени в итоге начали получать миллионы. В одном только 1923 году им выплатили свыше 30 миллионов долларов, что в пересчете на сегодняшние деньги равно 400 миллионам. В те времена по среднедушевому доходу осейджи считались богатейшим народом в мире. «Подумать только! – воскликнул нью-йоркский еженедельник «Аутлук». – Индейцы вовсе не умирают с голода... напротив – получают стабильный доход, да такой, что банкиры зеленеют от зависти»⁵.

Публика столбенела от процветания племени, переворачивавшего образ американских индейцев, восходящий к поре первого жестокого столкновения с белыми – первородного греха, из которого родилась страна. Журналисты распаляли зависть читателей рассказами о «плутократах-осейджах»⁶ и «краснокожих миллионерах»⁷, их кирпичных, облицованных терракотой особняках, хрустальных люстрах, бриллиантовых кольцах, меховых манто и автомобилях с шоферами. Один из писателей дивился осейджским девушкам, учившимся в лучших частных школах и носившим роскошные французские наряды, как будто «их случайно занесло в убогий городок резервации прямиком с парижских бульваров»⁸.

Одновременно репортеры выискивали в жизни осейджей мельчайшие приметы традиционного уклада, словно бы добавлявшие индейцам «дикости» в глазах публики. В одной статье описывались «дорогие автомобили, стоявшие вокруг первобытного костра, на котором их владельцы, бронзовые и в ярких одеялах, жарили мясо»⁹. В другой заметке говорилось об осейджах, которые летали на празднество с плясками в частном самолете – сцена, «превосходящая воображение самого смелого романиста»¹⁰. Подытоживая отношение публики к осейджам, газета «Вашингтон стар» писала: «Пора уже перестать причитать: «Ах, бедные индейцы!» – и провозгласить: «Ого! богатые краснокожие!»¹¹ Грей-Хорс было одним из старейших поселений резервации. Эти местечки на далекой окраине страны – в том числе Фэрфакс, соседний город покрупнее, с почти полуторатысячным населением, а также столица округа Осейдж – Похаска, где проживало свыше 6 тысяч человек – казались видениями большого воображения. На шумных улицах смешались ковбои, авантюристы, бутлегеры, прорицатели, знахари, бандиты, федеральные маршалы, нью-йоркские финансисты и нефтяные магнаты. По выбитым конскими копытами, а теперь мощеным дорогам носились авто, запах бензина заглушал ароматы прерий. С телефонных проводов присяжными заседателями глядели вниз стаи ворон. Тут были рестораны и кафе, оперные театры и площадки для игры в поло.

Роскошествуя куда меньше соседей, Молли все же поставила у старого семейного вигвама из связанных жердей, тканых ковриков и коры красивый, хоть и беспорядочно построенный деревянный дом. У нее было несколько машин и штат прислуги – индейских прихлебателей, как насмешливо называли поселенцы рабочих-мигрантов – в основном черных и мексиканцев, хотя в начале 1920-х один из посетивших резервацию с возмущением наблюдал «даже белых», выполнивших «все тяжелые работы по дому, до которых не снизошел бы ни один осейдж»¹².

Молли была одной из последних, кто видел Анну перед исчезновением. В тот день, 21 мая, Молли по привычке, идущей еще с той поры, когда ее отец каждое утро молился солнцу, поднялась чуть свет. Привычный хор луговых жаворонков, тетеревов и куликов теперь заглушали резкие удары вгрызающихся в землю буров. Молли накинула на плечи индейское одеяло – в отличие от многих подруг, она не чуралась одежды осейджей. Вместо модной короткой стрижки она свободно распускала по спине длинные черные волосы.

Ее муж, Эрнест Беркхарт, встал одновременно с ней. 28-летний белый красавчик, готовый актер массовки вестерна: короткие темно-русые волосы, голубые глаза, квадратный подбородок. Слегка подкачал лишь нос, которому, видимо, досталось раз-другой во время драки в баре. Сына бедного техасского фермера, возделывавшего хлопок, пленили истории о здешних краях – последнем оплоте американского Фронтира, где, по слухам, еще бродили ковбои и индейцы. В 1912 году, девятнадцати лет, он, собрав вещички, как Гек Финн, сбежал на Индейские территории, явившись в Фэрфакс к дяде, владельцу скотопромышленнику Уильяму К. Хэйлу. «Он был не из тех, кто просил, он приказывал», – как-то обмолвился Эрнест о заменившем ему отца Хэйле¹³. В основном приходилось быть у дяди на побегушках, но Эрнест также водил такси, где и познакомился с Молли.

Эрнест прикладывался к самогону и играл в покер с плохими парнями, однако за его грубостью угадывалась нежность и даже неуверенность в себе, и Молли в него влюбилась. С детства она говорила на осейджском, и хотя в школе кое-как выучила английский, тем не менее Эрнест постигал ее родной язык до тех пор, пока они не смогли свободно на нем объясняться. Она болела диабетом, и Эрнест не отходил от нее, когда у нее выкручивало суставы, а желудок горел от голода. А узнав, что у нее появился другой воздыхатель, пробормотал, что не может без нее жить.

Их женитьба оказалась непростым делом. Крутые дружки обзывают Эрнеста «подкаблучником краснокожей». Сама Молли, хотя все три ее сестры вышли за белых, считала себя обязанный заключить полноценный индейский брак, как у родителей. Однако, воспитанная в смеси традиционных осейджских верований и католицизма, она не понимала, как Бог мог дать ей любимого и тотчас отнять. Поэтому в 1917 году они с Эрнестом обменялись кольцами и поклялись в вечной любви.

К 1921 году у них была двухлетняя дочь Элизабет и восьмимесячный сын Джеймс, ласково прозванный Ковбоем. Еще Молли ухаживала за стареющей матерью, Лиззи, переехавшей в ее дом после смерти мужа. Та поначалу боялась, что страдающая диабетом дочь умрет молодой, и просила позаботиться о себе других детей. Но в действительности обо всех заботилась именно Молли.

День 21 мая обещал быть для Молли приятным – планировался небольшой званный обед, а ей нравилось принимать гостей. Встав и одевшись, она накормила детей. У Ковбоя часто сильно болели ушки, и она дула в них, пока он не перестал плакать. Хозяйство Молли вела образцово, и, едва в доме проснулись, она отдала распоряжения слугам. Все, кроме Лиззи, приболевшей и оставшейся в постели, засуетились. Молли попросила Эрнеста позвонить Анне и узнать, не приедет ли она помочь присмотреть за матерью. Та, хоть и жила у Молли, всегда больше любила и отличала старшую дочь, несмотря на ее буйные выходки.

Когда Эрнест сказал Анне, что она нужна маме, та пообещала сразу взять такси и вскоре явились – в ярко-красных туфлях, индейском одеяле и юбке в тон, с маленькой сумочкой из крокодиловой кожи в руках. Прежде чем войти, торопливо причесала растрепанные ветром волосы и припудрила лицо. Тем не менее Молли заметила, что походка у нее нетвердая, а говорит она невнятно. Анна была пьяна.

Молли не могла скрыть неудовольствия. Некоторые гости уже прибыли. Среди них двое братьев Эрнеста, Брайан и Хорас Беркхарты, привлеченные в округ Осейдж запахом «черного золота» и часто помогавшие Хэйлу на ранчо¹⁴. Явилась и одна из их тетушек, изрыгавшая расистские нападки на индейцев, и Молли меньше всего хотелось, чтобы Анна злила старую ведьму. Анна скинула туфли, и началось представление. Сперва она извлекла из сумки и откупорила фляжку, из которой остро пахнуло бутлегерским виски. Настаивая, что осушить ее надо, пока не арестовали власти – в Штатах был сухой закон, – Анна предложила гостям хлебнуть, как она выразилась, «лучшего белого пойла».

Молли знала, что Анне сейчас несладко. Недавно она развелась с мужем, бизнесменом по имени Ода Браун, владельцем таксопарка. С тех пор она все чаще пропадала в шумных, выросших на буеме городках резерваций, приютивших и развлекавших рабочих-нефтяников – вроде Уизбанга, о котором

говорили, что в нем весь день напролет кутят, а всю ночь напролет трахаются (Название городка образовано из двух этих глаголов. – *Прим. ред.*). «Там вы найдете все силы разврата и зла, – писал федеральный чиновник¹⁵. – Азартные игры, пьянство, адюльтер, ложь, воровство, убийство». Анну манили заведения в темных переулках: пристойные на вид, но с задними комнатами, где на полках блестели бутылки самогона. Впоследствии одна из служанок Анны поведала властям, что та пила много виски и «путалась с белыми мужчинами»¹⁶.

В доме Молли Анна принялась заигрывать с младшим братом Эрнеста Брайаном, с которым когда-то встречалась. Он был угрюмее Эрнеста, с непроницаемым взглядом крапчато-желтых зрачков и зализанными назад редеющими волосами. По словам знавшего его служителя закона, работал он на должности «подай – принеси». Когда за обедом Брайан пригласил одну из служанок пойти с ним вечером на танцы, Анна сказала, что убьет его, если он закрутит с другой.

Тетя Эрнеста тем временем бубнила себе под нос, но весьма отчетливо, как она оскорблена женитьбой племянника на краснокожей. Молли даже не отреагировала – прислуживавшая тетушке белая официантка и без того здимо напоминала о городской социальной иерархии.

Анна все не унималась – задирала гостей, задирала мать, задирала Молли. «Она пила и скандалила, – позднее рассказала властям служанка¹⁷. – Языка их я не понимаю, но они ссорились». И добавила: «Анна вела себя ужасно, прямо страх».

В тот вечер Молли собиралась остаться с большой матерью, пока Эрнест отвезет гостей в Фэрфакс, – пять миль на северо-запад, – где они встретятся с Хэйлом и отправятся на музыкальное представление заезжей труппы «Воспитание папы» о бедном ирландском иммигранте, выигравшем миллион и силящемся вписаться в высшее общество. Брайан, нахлобучив ковбойскую шляпу и глядя из-под низко надвинутых полей своими кошачьими глазами, предложил Анне подбросить ее до дома.

Прежде чем они ушли, Молли застирала одежду Анны и собрала ей кое-что со стола. Та немного прозрела и вновь стала собой – милой и очаровательной. Помирившись и успокоившись, они еще долго не могли расстаться. На прощание Анна широко улыбнулась, блеснув золотыми коронками.

С каждой проходящей ночью тревога Молли нарастала. Брайан уверял, что высадил Анну прямо у дома, а потом поехал на спектакль. Утром четвертого дня Молли спокойно, но решительно начала действовать. Первым делом она отправила мужа проверить дом Анны. Эрнест подергал ручку входной двери – та была заперта. Заглянул в окно – внутри темно и пусто.

Один, не зная, что предпринять, он стоял на жаре. Пару дней назад прохладный ливень освежил землю, но потом солнечные лучи принялись безжалостно палить сквозь кроны мэрилендских дубов. В это время года зной иссушал прерии, и высокая трава шуршала под ногами. В слепящем мареве вырисовывались отдаленные каркасы буровых вышек.

Вышла жившая по соседству экономка Анны, и Эрнест спросил:

– Ты не знаешь, где Анна?¹⁸

Служанка ответила, что перед дождем подходила к дому хозяйки закрыть окна.

– Подумала, что вода будет заливать внутрь, – объяснила она¹⁹. Но дверь оказалась заперта. Анны не было. Она исчезла.

Весть об этом облетела городки нефтяников, передаваясь из уст в уста. Тревогу подогревали и слухи о том, что за неделю до Анны пропал еще один осейдж, Чарльз Уайтхорн²⁰. Веселый и добродушный тридцатилетний Уайтхорн был женат на наполовину белой, наполовину шайенк²¹. Местная газета отмечала, что его «любили и белые, и соплеменники»²². 14 мая он выехал из дома на юго-западе резервации в Похаску. И больше не вернулся.

Все же Молли пока не паниковала. Вполне возможно, что Анна, расставшись у дома с Брайаном, отправилась в столицу штата или через границу – в сверкающий огнями Канзас-Сити. Не исключено, что она танцует сейчас в одном из джазовых клубов, куда так любила ходить, и не догадывается о наделанном ею переполохе. Даже попав в переделку, Анна сумела бы за себя постоять: в сумке из крокодиловой кожи она обычно носила маленький револьвер. «Она скоро вернется», – успокаивал Молли Эрнест.

Спустя неделю после исчезновения Анны рабочий-нефтяник на холме в миле к северу от Похаски заметил у основания нефтяной вышки бугорок. Подошел ближе. И увидел разлагающийся труп с двумя пулевыми отверстиями между глаз. Убийство напоминало казнь.

На склоне было жарко, влажно и шумно. Землю сотрясали буры, врезавшиеся в известняковые отложения, вышки поднимали и опускали огромные коромысла. Вокруг тела, разложившегося настолько, что его невозможно было опознать, собралась толпа. В одном из карманов обнаружили письмо. Его вытащили, расправили и прочитали. Письмо было адресовано Чарльзу Уайтхорну.

Примерно в то же самое время у ручья Три-Майл-Крик близ Фэрфакса отец с сыном и приятелем охотились на белок. Пока мужчины пили у ручья, мальчик заметил цель и выстрелил. Поляхнула вспышка, и добыча безжизненно скатилась в расщелину. Он бросился следом по крутыму, поросшему лесом склону вниз, где воздух был плотнее и слышалось журчание ручья. Найдя и подняв белку, мальчик вдруг закричал:

– Папа!²³

Когда тот подошел, сын уже вскарабкался по камням. Указав на поросший мхом берег ручья, он проговорил дрожащим голосом:

– Там покойник!

Раздувшееся и разлагающееся тело принадлежало индианке: она лежала на спине, с влизшими в грязь волосами, устремив в небо пустые глаза. Труп кишел червями.

Мужчины и мальчик быстро выбрались из расщелины и поскакали, вздымая пыль, по прерии на своем запряженном лошадьми фургоне. Въехав на главную улицу Фэрфакса, они не нашли ни одного представителя закона, а потому остановились перед большим универсальным магазином «Биг Хилл Трейдинг Компани», в котором была и похоронная контора. Они рассказали владельцу, Скотту Мэтису, что произошло, он послал за хозяином конторы, и тот с помощниками поехал к ручью. Они переложили тело на доску, на веревках вытянули из лощины и положили в деревянный ящик в тени мэрилендского дуба. Когда гробовщик присыпал раздутый труп льдом и солью, тот начал съеживаться, словно его покидало последнее дыхание жизни. Гробовщик пытался опознать в женщине Анну Браун, которую он знал.

– Тело разложилось и опухло настолько, что едва не лопалось и ужасно смердело²⁴, – вспоминал он позднее, добавляя: – И было черное, как у негритянки²⁵.

Ни он, ни другие так и не смогли решить, Анна это или нет. Однако Мэтис, ведший финансовые дела пропавшей, связался с Молли, и та во главе мрачной процессии, состоявшей из Эрнеста, Брайана, сестры Молли Риты и ее мужа Билла Смита, отправилась к ручью. К ним присоединились многие знакомые Анны и привлеченные нездоровым любопытством зеваки. Со своей женой из осейджей пришел и один из самых известных бутлегеров и наркоторговцев округа, Келси Моррисон.

Молли и Рита приблизились к телу. Смрад стоял ужасный. В небе кружили стервятники. Лица – от которого почти ничего не осталось – ни Молли, ни Рита не опознали, зато опознали индийское одеяло и одежду, выстиранную Молли. Затем муж Риты, Билл, взяв палку, открыл ею рот трупа, и они увидели золотые коронки – такие же, как у Анны.

– Да, это точно она, – сказал Билл²⁶.

Рита разрыдалась, и муж ее увел. Наконец Молли тоже едва слышно выдавила подтверждение его слов. В семье она одна никогда не теряла самообладания, не лишилась его и теперь, отходя с Эрнестом от ручья, при первом намеке на мрак, грозивший поглотить не только ее семью, но и все ее племя.

Глава 2 **По воле Бога или человека?**

Для коронерского дознания²⁷ мировой судья спешно собрал в овраге жюри. Предварительное следствие с привлечением присяжных оставалось пережитком эпохи, когда основное бремя расследования преступлений и поддержания правопорядка несли на себе рядовые граждане. Долгие годы после Войны за независимость общественность выступала против создания полиции, опасаясь, что та превратится в репрессивную силу. Вместо этого граждане сами отзывались на призывы жертв и преследовали преступников. Будущий судья Верховного суда Бенджамин Н. Кардозо однажды заметил, что эти погони не были «нерешительными или вялыми, но добросовестными и смелыми действиями с применением всех пригодных подручных средств»²⁸.

Только в середине XIX века с ростом промышленных городов и учащением массовых беспорядков, когда страх перед так называемыми «опасными классами» пересилил опасения перед государством, в Соединенных Штатах появились полицейские подразделения. К моменту смерти Анны неформальная система поддержания общественного порядка гражданами была отменена,

однако ее пережитки остались, особенно в тех местах, которые, казалось, продолжали существовать на периферии истории и географии.

Жюри присяжных мировой судья выбрал из присутствующих в овраге белых мужчин, включая Мэтиса. Им предстояло решить, умерла ли Анна по воле Бога или человека, а если это было преступление, определить его исполнителей и соучастников. Для проведения вскрытия вызвали двух врачей, пользовавших семью Молли, – братьев Джеймса и Дэвида Шоун. Те, окруженные присяжными, склонились над трупом и приступили к работе.

Каждое мертвое тело рассказывает свою историю. Перелом подъязычной кости может указывать на удушение. Пятна на шее подсказывают, душил убийца голыми руками или удавкой. Даже сломанный ноготь жертвы может свидетельствовать о предсмертной схватке. В одном влиятельном руководстве XIX века по судебной медицине написано: «Врач, осматривая мертвое тело, должен замечать все»²⁹.

В качестве импровизированного стола братьям Шоун служила доска. Из медицинской сумки они извлекли небогатый набор самых примитивных инструментов, в том числе пилу. Жара подступала даже сюда, в тень. Над трупом роились мухи. Врачи осмотрели одежду Анны – панталоны, юбку – на предмет подозрительных разрывов или пятен. Ничего необычного не обнаружив, они попытались установить время смерти. Это труднее, чем принято считать, особенно если смерть наступила несколько дней назад. В XIX веке ученые считали, что разрешили загадку, изучив фазы посмертного изменения трупа: окоченение (*rigor mortis*), понижение температуры тела (*algor mortis*) и обесцвечивание кожных покровов вследствие остановки кровотока (*livor mortis*). Однако вскоре патологоанатомы поняли, что на скорость разложения влияет слишком много различных факторов – от влажности воздуха до того, какая на трупе одежда, – не позволяя произвести точный расчет. Тем не менее приблизительно оценить время смерти возможно, и Шоуны установили, что Анна умерла от пяти до семи дней назад.

Доктора немного повернули голову Анны в деревянной коробке. Кожа отошла, открыв безукоризненно круглое отверстие в задней части черепа.

– Ее застрелили!³⁰ – воскликнул один из Шоунов.

Мужчины заволновались. Подойдя ближе, они увидели, что диаметром отверстие было примерно с карандаш. Мэтис решил, что подобную рану могла оставить пуля тридцать второго калибра. Поскольку вошла она чуть ниже

макушки и двигалась по нисходящей траектории, сомнений не оставалось: Анну хладнокровно убили.

В ту пору основная масса стражей закона оставались непрофессионалами. Среди них нечасто встречались выпускники специальных академий, мало кто владел и новыми научными методами расследования, такими как анализ отпечатков пальцев и образцов крови. Правоохранители Фронтира, как правило, были в первую очередь меткими стрелками и хорошими следопытами, от которых ждали сдерживания преступности, а также поимки, если возможно, или при необходимости уничтожения заведомых бандитов. «В те времена шериф и был законом, и лишь его решение да палец на спусковом крючке определяли приговор»³¹, – писала в 1928 году газета «Талса дейли уорлд» в некрологе одного ветерана-правоохранителя, служившего в резервации осейджей. – Часто приходилось в одиночку противостоять целой своре хитрых дьяволов». Поскольку жалованье эти стражи закона получали мизерное, а ценили их за скорость стрельбы, неудивительно, что границы между хорошими и плохими правоохранителями были весьма зыбки. Так, главарь печально прославившейся в конце XIX века банды Далтонов одно время был главным блюстителем порядка в резервации осейджей.

Когда убили Анну, шерифом округа Осейдж, несущим основную ответственность за поддержание закона, был поселенец Харви М. Фрис, 58 лет и весом 130 кг. В посвященной истории Оклахомы книге 1916 года Фрис назван «грозой злодеев»³². Тем не менее ходили слухи о его тесной связи с криминальными элементами и попустительстве содержателям игорных домов и бутлегерам вроде Келси Моррисона и Генри Грэммера, контролировавшего торговлю самогоном. Позднее один из подчиненных Грэммера признавался властям: «Я не сомневался, что если меня и арестуют... то через пять минут отпустят»³³.

Собрание граждан округа Осейдж даже приняло резолюцию, во имя «религии, правопорядка, благопристойности и морали»³⁴ постановлявшую: «Настоящим считающие, что шериф приведен к присяге и обязан обеспечивать охрану правопорядка, должны лично при встрече или письменно настойчиво требовать от шерифа Фриса исполнения присяги».

Когда шерифу доложили об убийстве Анны, он уже был занят расследованием дела Уайтхорна и послал собирать улики и свидетельские показания одного из своих помощников. В Фэрфаксе был городской мэршал, эквивалент начальника полиции, вместе с помощником шерифа подъехавший к оврагу еще до того, как братья Шоуны закончили вскрытие. Чтобы служители закона могли

идентифицировать орудие убийства, требовалось извлечь пулю, видимо, застрявшую в голове. Шоуны распилили черепную коробку, осторожно извлекли содержимое и положили на доску.

– Состояние мозга было очень скверное³⁵, – вспоминал Дэвид Шоун. – Пули нигде не было видно.

Взяв палочку, он использовал ее в качестве зонда и заявил, что пули обнаружить не удалось.

Представители закона спустились к ручью осмотреть место убийства. На прибрежном камне, где лежало тело, остались пятна крови. Следов пули найти не удалось, но один из правоохранителей заметил на земле бутылку с остатками прозрачной жидкости. Судя по запаху, это был самогон. Следователи предположили, что Анна сидела на камне и выпивала, когда кто-то подошел сзади и выстрелил в упор.

Маршал заметил вдалеке следы шин двух автомобилей, идущие от дороги к лощине. На его зов тотчас прибежали помощник шерифа и присяжные. Похоже было, что обе машины приехали с юго-востока, а затем вернулись обратно.

Больше никаких улик собрать не удалось. Криминалистическими методами стражи закона не владели, поэтому ни слепков следов протекторов, ни отпечатков пальцев с бутылки, ни следов пороховых газов с тела Анны не сняли. Даже не сфотографировали место преступления, которое, правда, сами же все равно изрядно затоптали.

Кто-то, однако, догадался вынуть из уха Анны сережку и отнести матери, которая была слишком больна, чтобы отправиться на место преступления. Лиззи тотчас ее опознала. Анна была мертва. Как и другие соплеменники, Лиззи считала рождение детей величайшим благословением Ва-Кон-Та, таинственной животворящей силы, идущей от Солнца, Луны и звезд, той самой силы, которой осейджи веками поклонялись, в надежде упорядочить царившие на Земле путаницу и хаос, силы и здешней, и потусторонней – незримой, далекой, дарующей, пугающей и неумолимой. Многие из них отошли от традиционных верований, но только не Лиззи (один федеральный чиновник как-то посетовал, что женщины вроде нее «цепляются за стародавние суеверия и смеются над современными идеями и обычаями»³⁶).

Некто, *нечто* безвременно отняло у нее старшую и самую любимую дочь, – возможно, это знамение того, что Ва-Кон-Та лишил мир своего благословения,

ввергая его в еще больший хаос. Здоровье Лиззи ухудшилось, словно горе само по себе было болезнью.

Молли нашла опору в Эрнесте³⁷. Его «необычайную... поразительную преданность индианке-жене и детям»³⁸ отмечал их общий знакомый адвокат. Муж утешал Молли, ринувшуюся организовывать похороны Анны. Нужно было купить цветы, а также белый металлический гроб и мраморное надгробие. Похоронные бюро брали с осейджей непомерные цены, и этот случай не стал исключением. За гроб запросили 1450 долларов, за подготовку и бальзамирование тела – 100 и за аренду катафалка – 25. После подсчета всех расходов, вплоть до перчаток могильщика, общая сумма вышла астрономической. Как выразился городской адвокат: «Получалось так, что осейджа нельзя похоронить дешевле 6000 долларов»³⁹ – с учетом инфляции сегодня это почти 80 000.

Похоронный обряд отражал и индейские, и католические традиции семьи⁴⁰. Молли, окончившая миссионерскую школу в Похаске, регулярно ходила к мессе. Ей нравилось сидеть на церковной скамье, смотреть, как в окна проникает утренний свет, и слушать проповедь знакомого священника. Неплохо было также поболтать с подругами – воскресная служба давала и такую возможность.

Сначала была панихида по Анне в церкви. Уильям Хэйл, дядя Эрнеста, стоял совсем рядом с Анной и семьей Молли, а во время похоронной процессии был одним из несших гроб. Священник пел гимн XIII века «День гнева», кульминацией которого была мольба:

*Сладчайший Иисус, Господь Всеблагой,
Даруй усопшей вечный покой.*

После того как священник окропил гроб Анны святой водой, Молли во главе семьи и других скорбящих отправилась на кладбище Грей-Хорс, тихое и уединенное место, возвышающееся над бескрайней прерией. Там на соседних участках были похоронены отец Молли и ее сестра Минни. Теперь рядом зияла свежевырытая яма, сырья и темная, ждущая гроб Анны, уже стоящий у ее края. На надгробной плите было начертано «Встречайте меня на небесах». Обычно на кладбище крышку гроба поднимают в последний раз, давая родным и друзьям проститься, однако этого не позволяло сделать состояние тела Анны. Хуже того, ее лицо было невозможно раскрасить в цвета племени и клана, как требовала погребальная традиция осейджей. Молли опасалась, что без этого

ритуального узора дух Анны может заблудиться. Тем не менее Молли и ее семья положили в гроб вдоволь еды для трехдневного странствия в «страну счастливой охоты», как зовут ее осейджи.

Старые женщины, такие как мать Молли, принялись причитать молитвенные песни осейджей в надежде, что их услышит Ва-Кон-Та. Великий историк и писатель Джон Джозеф Мэтьюз (1894–1979), в чьих жилах текла кровь осейджей, зафиксировал многие традиции племени. Описывая типичную молитву, он писал: «Она наполняла мою душу маленького мальчика страхом, сладкой горечью и неведомой тоской, и когда она заканчивалась, я лежал в ликующе-испуганном трансе, страстно надеясь на продолжение и одновременно боясь его. Позднее, когда я уже научился рассуждать, мне неизменно казалось, что эта молитвенная песня, это песнопение, эта волнующая душу мольба, всегда обрывалась прежде настоящего конца всхлипом разочарования»⁴¹.

На кладбище, стоя рядом с Эрнестом, Молли слушала погребальную песнь старух, их песнопения, перемежающиеся плачем. Ода Браун, бывший муж Анны, не выдержал и отошел. Ровно в полдень – когда солнце, величайшее воплощение Великой Тайны, достигло зенита – гроб подняли и начали опускать в яму. Молли смотрела, как сверкающий белый саркофаг погружается в землю, до тех пор, пока долгие пронзительные рыдания не сменились звуком ударов комьев земли по крышке.

Глава 3

Король Осейдж-Хиллз

Убийства Анны Браун и Чарльза Уайтхорна вызвали сенсацию. Газета «Похаска дейли кэпитал» вышла с огромным заголовком: «ДВА УБИЙСТВА ОБНАРУЖЕНЫ В ОДИН ДЕНЬ»⁴².

Множились версии о том, кто убийца. Две пули, извлеченные из черепа Уайтхорна, похоже, выпустили из пистолета 32-го калибра, оружия, подобного тому, из которого, как подозревали, убили Анну. Простое ли совпадение, что обе жертвы были богатыми осейджами около 30 лет? Или, может, это дело рук серийного убийцы – наподобие доктора Г. Г. Холмса, убившего как минимум 27 человек, большинство из них во время Всемирной выставки 1893 года в Чикаго?

Лиззи, не доверявшая белым, положилась на Молли в улаживании всех проблем с властями. На протяжении жизни старой индианки осейджи резко отошли от

традиционного уклада. Их историк Луис Ф. Бернс писал, что после обнаружения нефти племя «стремительным течением понесло в неизвестность»⁴³, добавляя: «В мире богатства белых людей не было ни одного знакомого ориентира, уцепившись за который можно было бы удержаться на плаву». В старину всякий раз, когда племя сталкивалось с внезапными переменами или чем-то неведомым, главенство брал на себя клан, в который входила группа, известная как «Идущие через туман». Молли, подчас сама теряясь от всех выпавших на ее долю потрясений, тем не менее взяла на себя инициативу и стала для своей семьи такой «идущей». Говоря по-английски и будучи замужем за белым, она не поддалась соблазнам, сгубившим многих молодых членов племени, в том числе Анну. Некоторые осейджи, особенно старшего возраста, такие как Лиззи, считали свалившееся на них богатство проклятием. «Однажды эта нефть закончится, и Великий Белый Отец (так индейцы называли президента США. – *Прим. перев.*) перестанет присыпать нам жирные чеки по несколько раз в год, – сказал вождь осейджей в 1928 году⁴⁴. – Больше не будет ни красивых автомобилей, ни новой одежды. И я знаю, что тогда мой народ станет счастливее».

Молли требовала от властей расследовать убийство Анны, однако большинство официальных лиц не особо заботила какая-то «мертвая краснокожая». Тогда Молли обратилась к дяде Эрнеста, Уильяму Хэйлу⁴⁵. Он сделался в округе влиятельным предпринимателем и поборником закона и порядка – защитником всех «богобоязненных душ», как он говорил.

С совиным лицом, жесткими черными волосами и настороженным взглядом небольших, глубоко посаженных глаз, Хэйл появился в резервации без малого двадцать лет назад. Живое подобие фолкнеровского Томаса Сатпена, этот человек без прошлого словно возник из ниоткуда. Приехав в резервацию чуть не в единственном костюме и с потрепанным Ветхим Заветом, он, по выражению одного из хорошо знавших его людей, начал «борьбу за жизнь и капитал»⁴⁶ в «малоцивилизованном месте».

Хэйл нанялся на ранчо ковбоем. Прежде чем Запад пересекли железные дороги, такие, как он, перегоняли стада из Техаса на обильные травами земли осейджей и дальше в Канзас для отправки на чикагские и прочие бойни. Отсюда пошло американское увлечение ковбоями, хотя в самой работе романтики было мало. День и ночь Хэйл вкалывал за гроши: гнал скот сквозь бури с градом, молниями и песком; сбивал, описывая сужающиеся круги, испуганных животных в кучу, прежде чем те успеют затоптать. Его одежда провоняла потом и навозом, кости

часто были если не сломаны, то сильно побиты. Наконец он частью скопил, частью занял денег на покупку в округе собственного стада.

«Он был самым энергичным из всех, кого я знал⁴⁷, – вспоминал ссудивший ему на открытие дела. – Даже просто переходя улицу, он будто шагал навстречу свершениям».

Вскоре Хэйл обанкротился, но горечь поражения лишь подстегнула его честолюбие и амбиции. Вновь начав все сначала, он часто спал в продуваемой холодными ветрами прерий палатке, наедине со своей яростью. Много лет спустя журналист описывал, как Хэйл расхаживал перед костром «словно зверь на привязи. Нервно, сужа пальцы прямо в языки пламени, потирал руки. Его красное лицо горело от холода и возбуждения»⁴⁸. Он трудился с лихорадочной одержимостью человека, страшившегося не только голода, но и ветхозаветного Бога, готового в любой момент покарать его, как Иова.

Хэйл стал настоящим мастером в клеймении, обезроживании, кастрации и продаже скота. Богатея, он скупал у осейджей и соседних поселенцев все большее земель, пока в руках у него не оказалось около 45 000 акров лучших пастбищ в округе и небольшое состояние в придачу. Свершилось американское чудо – и он стал работать на себя. Рваные брюки и ковбойскую шляпу Хэйл сменил на щегольской костюм, галстук-бабочку и фетровую шляпу, обзавелся для солидности очками в круглой оправе. Женился на школьной учительнице, у них родилась обожавшая отца дочь. Декламировал стихи. Легендарный шоумен Дикого Запада Пауни Билл, бывший некогда партнером знаменитого Буффало Билла, характеризовал Хэйла как «первостатейного джентльмена»⁴⁹.

Примерно в 1915 году его избрали вторым заместителем шерифа в Фэрфаксе, и эту должность он не оставлял до конца жизни. Скорее почетная, она, тем не менее, давала ему право носить значок и возглавлять отряд добровольцев, а также носить один пистолет в боковом кармане, а другой – в кобуре у бедра. «Для укрепления авторитета представителя закона», – как любил говорить он.

По мере роста богатства и влияния Хэйла его поддержки начали искать политики, зная, что без его «благословения» им не победить. Где упорным трудом, где хитростью он заткнул конкурентов за пояс, нажив множество смертельных врагов. «Кое-кто его прямо-таки ненавидел»⁵⁰, – признавался один из друзей Хэйла. Тем не менее и Молли Беркхарт, и многие другие считали его величайшим благодетелем округа Осейдж. Он помогал индейцам еще до того, как к ним потекли нефтяные деньги, раздавал еду и лошадей, жертвовал благотворительным организациям, школам и больнице. Приняв мантию проповедника, подписывал письма «преподобный У. К. Хэйл».

Местный врач говорил: «Мне и не упомнить, скольким больным он оплатил лечение, скольких голодных накормил»⁵¹.

Позднее в письме помощнику вождя племени Хэйл писал: «У меня никогда в жизни не было друзей ближе осейджей⁵²... Я всегда буду вам настоящим другом». На этом последнем рубеже американского Фронтира Хэйла почитали «Королем Осейдж-Хиллс».

Заезжая за Эрнестом, Хэйл часто бывал у Молли дома и вскоре после похорон Анны нанес визит сестре и матери убитой. Он поклялся добиться правды в ее деле.

Хотя Хэйл не играл какой-то официальной роли в расследовании, его абсолютная самоуверенность и очевидное влияние в тайном мире белых (он часто носил бриллиантовую булавку масонской ложи) создавали впечатление, что это не просто слова. Он всегда выражал симпатию к Анне – по его словам, они «были очень хорошими друзьями»⁵³, – и во время своего визита на глазах Молли что-то втолковывал Эрнесту вполголоса, видимо, рассказывая о поисках убийцы ее сестры.

Присяжные коронерского дознания вместе с прокурором округа продолжали расследование убийства Анны, и вскоре после похорон Молли вызвали для дачи показаний на судебные слушания в Фэрфакс. В Управлении по делам индейцев при Министерстве внутренних дел США, отвечавшем за связи властей с племенами и впоследствии переименованном в Бюро по делам индейцев, был закрепленный за резервацией осейджей чиновник, знавший Молли. Он вспоминал, что та «была готова сделать все возможное... для привлечения виновных к ответственности»⁵⁴. Власти предоставили Молли переводчика, но она от его услуг отказалась и говорила по-английски – насколько в детстве ее выучили монахини.

Молли описала присяжным последнюю встречу с Анной у себя дома и сказала, что та уехала примерно на закате. Далее в ходе судебных слушаний правительственный чиновник спросил ее:

- Как она уехала?⁵⁵
- На машине.
- Кто был с ней?
- Брайан Беркхарт.
- Вы заметили, в каком направлении они поехали?
- К Фэрфаксу.

– Кроме Брайана и Анны в машине еще кто-нибудь был?

– Нет, только Брайан и Анна...

– После этого вы видели ее живой?

Молли удалось не потерять самообладания.

– Нет, – ответила она.

– Вы видели ее тело после того, как его нашли?

– Да.

– Сколько времени прошло с момента, когда она на ваших глазах уехала с Брайаном Беркхартом, до того, как вы увидели ее тело?

– Пять или шесть дней.

– Где вы видели ее тело?

– На пастбище...

– Как далеко от ручья?

– Совсем рядом.

Хотя на судебном следствии Молли выражала полную готовность ответить на все вопросы, чтобы ни в коем случае ничего не было упущено, однако ни мировой судья, ни присяжные ее почти ни о чем не спросили. Возможно, из предубеждения – как к женщине и краснокожей. Жюри гораздо дотошнее расспрашивало Брайана Беркхарта, о котором многие местные уже начали шептаться – в конце концов, именно он последним видел Анну перед исчезновением.

В отличие от Эрнеста, Брайан не был красив, а застывший взгляд придавал ему неприятную холодность. К тому же Хэйл однажды поймал племянника на краже своего скота и, желая проучить, заявил на него в полицию. Обвинения были сняты, только когда Брайан оплатил ущерб.

Прокурор округа спросил о том дне, когда Брайан, по его словам, отвез Анну домой.

– Куда вы поехали после?56

– В город.

– Во сколько это было?

– Около пяти или половины пятого.

– С тех пор вы ее не видели?

– Нет, сэр.

Прокурор сделал паузу и переспросил:

– Вы уверены?

– Да, сэр.

На следующем заседании допросили и Эрнеста. Один из судейских с нажимом спросил его о брате:

– Вы понимаете, что он последний, кого видели с этой женщиной, Анной Браун?⁵⁷

– Понимаю, – ответил Эрнест и добавил, что, по словам Брайана, он «высадил Анну возле ее дома. Так он сказал».

– Вы ему верите?

– Да, сэр.

После первого слушания власти задержали Брайана. К возмущению Молли, задержали и Эрнеста – на случай, если тот покрывает младшего брата. Однако, как ей и обещал Хэйл, вскоре обоих отпустили. Против Брайана не было никаких улик, кроме того, что он был последним, видевшим Анну перед исчезновением. Когда Эрнеста спросили, знает ли он что-нибудь об обстоятельствах убийства, тот ответил отрицательно и добавил:

– Мне неизвестно, чтобы у нее были враги или чтобы кто-то ее недолюбливал.

Основная версия следствия заключалась в том, что убийца был не из резервации. Раньше враги нападали на племя в чистом поле, теперь они приняли вид грабителей поездов, налетчиков и других головорезов. Принятие сухого закона лишь усугубило в резервации ощущение беззаконности, подстегнув организованную преступность и сотворив, по выражению одного историка, «величайший в американской истории криминальный Клондайк»⁵⁸. Мало где в стране царил такой хаос, как в округе Осейдж, где ломались неписаные законы Дикого Запада и цементировавшие общинны традиции. По некоторым оценкам, все прежние «золотые лихорадки», вместе взятые, уступали здешним нефтяным деньгам, на запах которых со всей страны слетались негодяи всех мастей. Чиновник Министерства юстиции США предупреждал, что в Осейдж-Хиллз скрывается больше беглых преступников, нежели, «вероятно, в любом другом округе штата или даже в любом другом

штате»⁵⁹. Среди них был заматерелый грабитель Ирвин Томпсон, то ли за темный цвет лица (он был на четверть чероки), то ли за черное сердце, получивший прозвище Блэки: один полицейский называл его «подлейшим из всех, с кем ему приходилось сталкиваться»⁶⁰. Печальной известностью его перещеголял Эл Спенсер по кличке «Призрак Ужаса», пересевший для бегства с мест преступления с галопирующими лошадей на скоростные автомобили и унаследовавший от Джесси Джеймса титул самого зловещего местного преступника. Газета «Аризона Репабликэн» писала, что Спенсер с его «нездоровым умом»⁶¹ и извращенной тягой к авантюрам» вызывал поклонение «у части населения страны, творившей себе ложных кумиров». Члены его банды, в том числе Дик Грэгг и Фрэнк «Желе» Нэш, сами были в числе опаснейших преступников того времени.

Куда более неуютная гипотеза заключалась в том, что убийца Анны продолжал жить среди добропорядочных граждан как волк в овечьей шкуре. Молли и другие начали питать подозрения в отношении бывшего мужа Анны, Оды Брауна. Тот именовал себя бизнесменом, но большую часть времени проводил в кутежах. Задним числом его скорбь на похоронах выглядела чересчур театральной. В своих заметках следователь писал: «Это настоящее горе или, может статься... для отвода глаз?»⁶² Когда они развелись, Анна исключила его из числа наследников, оставив практически все свое состояние Лиззи. После похорон Браун нанял адвоката и безуспешно пытался оспорить завещание. Следователь пришел к выводу, что Браун «ничего хорошего собой не представляет и способен на все ради денег»⁶³.

Через несколько недель после похорон некто, арестованный в Канзасе за подделку чека, написал шерифу Фрису, что у него есть информация об убийстве Анны. «Достопочтенный сэр»⁶⁴, – писал он, – я надеюсь оказать вам определенную помощь». Однако не раскрыл того, что знал, и шериф, получив письмо, отправился в дорогу, как говорилось в газете, на «быстрым автомобиле». Прознавший о потенциальном прорыве в расследовании Хэйл тоже бросился в тюрьму. На допросе суетливый 28-летний аферист утверждал, что Браун заплатил ему за убийство Анны 8000 долларов. Он рассказал, как выстрелил ей в голову, а потом на руках отнес тело к ручью.

Вскоре после этого признания отряд полиции схватил Брауна, когда тот приехал в Похаску по делам. Газета «Похаска дейли кэпитал» вышла с сенсационным заголовком: «УБИЙЦА АННЫ БРАУН ПРИЗНАЛСЯ»⁶⁵. И ниже: «Арестован также бывший муж убитой, Ода Браун». Молли и ее семья были раздавлены вестью о том, что в убийстве Анны повинен Ода. Единственным утешением им

могла служить лишь мысль об ожидавшем его справедливом возмездии – петле или электрическом стуле. Однако через несколько дней власти были вынуждены признать, что у них нет никаких подтверждающих признание афериста доказательств – ни его присутствия на момент убийства в округе Осейдж, ни того, что бывший муж жертвы с ним когда-либо связывался. Властям ничего не оставалось, кроме как освободить Брауна.

– Болтовни многооб6, – сказал шериф. – Но нам нужны доказательства, а не болтовня.

Подобно многим должностным лицам, своим избранием прокурор округа был как минимум частично обязан Хэйлу. Когда прокурор баллотировался впервые и советники сообщили ему о необходимости заручиться поддержкой могущественного скотопромышленника, он несколько раз ездил на ранчо. Однако никак не мог застать хозяина, пока один из надсмотрщиков в конце концов не сказал:

– Если хотите встретить Билла Хэйла67, вам придется приехать рано. Я имею в виду – чертовски рано.

Тогда прокурор пригнал свой «Форд Т» на ранчо в три часа ночи и улегся спать в машине. Вскоре он вздрогнул, разбуженный резким стуком в стекло, и увидел рассерженного мужчину, требовавшего объяснить вторжение в его владения.

Это был Уильям Хэйл. Прокурор объяснил, зачем приехал, и Хэйл вспомнил его родителей, которые однажды приютили ковбоя во время снежной бури. Он обещал оказать помощь в предвыборной кампании. Один из советников заметил, что Хэйл «никогда не лгал68, и если обещал что-то сделать, то сделает». В день выборов прокурор победил на всех участках в той части округа.

Хэйл продолжал поддерживать хорошие отношения с прокурором и обсуждал убийство Анны с ним и другими чиновниками. В конце концов было решено еще раз поискать пулю, ускользнувшую от следователей при вскрытии Анны. Было получено судебное постановление на эксгумацию. Мрачную задачу поручили Скотту Мэтису, другу Хэйла и Молли, владельцу «Биг Хилл Трейдинг Компани», и тот с гробовщиком и могильщиком отправился на кладбище. На участке Анны едва успела вырасти трава. Мужчины принялись копать твердую землю, залезли в яму и, подняв некогда белый, а теперь почерневший от грязи гроб, сорвали крышку. Воздух наполнился ужасающим смрадом самой смерти.

На кладбище явились производившие первое вскрытие братья Шоун и возобновили поиск пули. На сей раз они натянули перчатки и мясницким ножом порубили мозг Анны буквально «на фарш»69, как выразился потом

шокированный гробовщик. Однако и это ничего не дало. Пуля как будто испарилась.

К июлю 1921 года мировой судья прекратил расследование с формулировкой, что смерть Анны Браун наступила от «руки неустановленного лица»⁷⁰, – точно такой же, как и в деле Уайтхорна. Те скучные доказательства, которые удалось собрать, судья запер в своем кабинете на случай появления дополнительной информации.

В это же самое время Лиззи – некогда такая же энергичная и решительная, как Молли – окончательно разболелась. Казалось, с каждым днем она таяла, словно ее изнуряла та же страшная болезнь, которая свела в могилу Минни.

В отчаянии Молли обращалась и к индейским знахарям, возносившим молитвы кроваво-красному рассветному небу, и к братьям Шоун, новому поколению целителей, носившим свои зелья в черных чемоданчиках. Ничего не помогало. Молли дежурила у постели матери. Не в силах вылечить, Молли кормила ее, расчесывала, убиравая длинные красивые седые волосы с лица – морщинистого и выразительного, не утратившего своей притягательной силы. Старая индианка оставалась одной из последних, в ком была жива связь с древним образом жизни племени.

В один из июльских дней, спустя меньше двух месяцев после убийства Анны, Лиззи скончалась. Молли ничего не могла поделать. Дух Лиззи призвали к себе Господь и Спаситель Иисус Христос и Великая Тайна Ва-Кон-Та. Молли была раздавлена горем. Как в заупокойной молитве осейджей:

*О, Великий Дух, смилийся надо мной!
Видишь, я безутешно плачу,
Осущи мои слезы и успокой⁷¹.*

Зять Молли, Билл Смит, одним из первых заподозрил неладное в смерти Лиззи, наступившей почти сразу после убийства Анны и Уайтхорна. Глубоко разочарованный официальным расследованием, Билл с его бульдожьей хваткой взялся за дело сам. Его, как и Молли, поразила странная неопределенность болезни Лиззи: ни один врач так и не поставил диагноз. Фактически никто не установил причину ее смерти. Чем глубже Билл копал, консультируясь с врачами и местными следователями, тем больше убеждался, что смерть Лиззи была ужасающе противоестественной – ее отравили. Он не сомневался, что все

три убийства как-то связаны с таящимися в недрах земли осейджей запасами «черного золота».

Глава 4

Подземная резервация

Деньги пришли внезапно, стремительно, шало⁷². Молли было десять, когда впервые нашли нефть, и все последующее безумие разворачивалось на ее глазах. Однако, по рассказам старейшин, Молли знала, что запутанная история того, как эта богатая нефтью земля досталась ее племени, восходит к XVII веку. Тогда осейджи считали своей большую часть центра страны – от сегодняшних штатов Миссури и Канзас до Оклахомы и еще дальше на запад, вплоть до Скалистых гор.

В 1803 году президент Томас Джейферсон купил у французов территорию Луизиана, где жили осейджи. Джейферсон характеризовал их военно-морскому министру как «великий народ» и добавил: «Мы должны поддерживать с ними хорошие отношения, потому что на их землях мы страшно слабы»⁷³. В 1804 году делегация осейджских вождей встретилась с президентом в Белом доме. Тот сообщал тому же министру, что рослые, выше шести футов, осейджские воины были «лучшими из всех, кого нам когда-либо доводилось видеть»⁷⁴. На встрече Джейферсон обратился к вождям «дети мои», сказав:

– Наши предки пришли из-за большой воды так давно⁷⁵, что мы уже забыли об этом и считаем себя произросшими из этой земли так же, как и вы... Мы все – одна семья.

И продолжил:

– По возвращении скажите своим людям, что их рука в моей руке, что я буду им отцом, а наш народ – другом и благодетелем.

Однако за последующие четыре года Джейферсон принудил осейджей уступить территории между реками Арканзас и Миссури. Вождь осейджей заявил, что его народу «оставалось либо подписать договор, либо быть объявленным врагами Соединенных Штатов». В течение двух следующих десятилетий племени пришлось отдать почти 100 миллионов акров своих исконных земель и в конце концов найти прибежище на полосе в 50 на 125 миль на юго-востоке Канзаса. Именно там выросли родители Молли.

Отец, родившийся около 1844 года, носил индейское имя Не-ка-е-се-й. В то время обычной одеждой молодого осейджа были отделанные бахромой раздельные штаны оленьей кожи, мокасины и кожаная набедренная повязка, а

на плетеном ремне висели кисет и томагавк. Торс нередко оставался голым, а голову брили наголо, за исключением полоски волос от макушки до шеи, торчащих вверх, как гребень спартанского шлема.

Вместе с другими воинами Не-ка-е-се-й защищал племя от нападений, а перед боем чернил лицо древесным углем и молился Ва-Кон-Та о том, что врагу пора, как выражаются осейджи, «обагрить кровью землю»⁷⁶. С возрастом Не-ка-е-се-й стал в племени видной фигурой. Осмотрительный и внимательный, он умел все взвесить, прежде чем начать действовать. Годы спустя, когда племя создало свою первую судебную систему для рассмотрения главным образом мелких преступлений, его выбрали одним из трех судей. Федеральный чиновник называл его решения проницательными и справедливыми.

Лиззи⁷⁷ тоже выросла в резервации в Канзасе, где с малых лет помогала семье, собирая кукурузу и возя из лесу дрова. Одеждой юной индианке служили мокасины, штаны из раздельных штанин, юбка из оленьей кожи и одеяло на плечах. Черные волосы посередине были выкрашены красным как символ пути солнца. Позднее сотрудник по делам индейцев назвал ее «трудолюбивой» и «добропорядочной»⁷⁸.

Когда Лиззи и Не-ка-е-се-й были молоды, их семьи дважды в год вместе со всем остальным племенем собирали скучные пожитки – одежду, постели, одеяла, посуду, вяленое мясо, оружие, – навьючивали на лошадей и отправлялись на священную двухмесячную охоту на бизонов. Когда разведчики находили стадо, Не-ка-е-се-й и другие охотники неслись верхом по прерии – копыта били в землю, как в барабан, гривы хлестали по блестящим от пота, демонически-черным лицам всадников. Французский студент-медик, в 1840 году выезжавший с племенем на охоту, писал: «Преследование беспощадно⁷⁹... загнанный бизон, стараясь обмануть врага, начинает круто поворачивать, несется в другом направлении, однако, поняв, что настигнут, в ярости останавливается и обращается мордой к нападающим».

Не-ка-е-се-й хладнокровно доставал лук и стрелу, считавшиеся осейджами лучше пули. Смертельно раненный бизон, по воспоминаниям студента-медика, «изрыгал потоки крови и падал на колени, прежде чем свалиться на землю»⁸⁰. После отрезания хвоста – трофея победителю – не пропадало ничего: мясо вялили, сердце коптили, в кишки набивали колбасы. Маслами бизоньего мозга натирали шкуры для изготовления одежды и одеял. Но и это было далеко не все: из рогов вырезали ложки, сухожилия шли на тетиву, сало – на топливо для факелов. Когда вождя осейджей спросили, почему он не хочет принять образ

жизни белого человека, тот ответил: «Я полностью доволен своим положением⁸¹. Леса и реки с лихвой снабжают нас всем необходимым». Правительство США уверяло осейджей, что резервация в Канзасе останется их домом навсегда, но вскоре их уже осаждали поселенцы. Среди них была и семья Лоры Инглз-Уайлдер, впоследствии написавшей основанную на детских впечатлениях книгу «Маленький домик в прериях». В одной из сцен Лора спрашивает:

«— За что ты не любишь индейцев, мам?⁸²

— Просто не люблю, и все. Не облизывай пальцы, Лора! — отозвалась мама.

— Но ведь здесь Страна индейцев. Если ты их не любишь, зачем мы тогда приехали в их страну?» (Перевод М. И. Беккер.)

Однажды вечером отец Лоры объясняет ей, что правительство скоро заставит осейджей уйти:

«— Когда белые поселенцы приезжают в какое-нибудь место, правительство велит индейцам оттуда уходить. Этим индейцам правительство тоже со дня на день прикажет уходить на запад. Поэтому мы тут и поселились. Белые люди скоро заселят всю эту округу, а мы приехали первыми и поэтому заняли самую лучшую землю».

Хотя в книге семья Инглз покидает резервацию под угрозой изгнания солдатами, многие из самочинных поселенцев захватывали чужую землю силой. В 1870 году осейджи, которых изгнали из вигвамов, а могилы их предков разграбили, согласились продать свои земли в Канзасе по цене 1,25 доллара за акр. Однако нетерпеливые поселенцы убили несколько членов племени, изуродовав их тела и оскальпировав. Сотрудник Управления по делам индейцев сказал: «Сам собою напрашивается вопрос, кто из них дикари?»⁸³

Оseyджи принялись искать новое пристанище. Они обсуждали покупку у чероки почти 1,5 млн акров на тогдашних Индейских территориях — в регионе к югу от Канзаса, конечной остановке на Дороге слез (Этническая чистка и насилиственное переселение американских индейцев. — Прим. перев.) для многих вытесненных со своих земель племен. Рассматриваемая осейджами к приобретению пустовавшая территория по площади превосходила штат Делавэр, но большинство белых считали местность «пересеченной, скалистой, неплодородной и совершенно непригодной для возделывания»⁸⁴, как выразился один агент по делам индейцев.

Вот почему вождь осейджей Ва-Ти-Ан-Ка, встав на заседании совета племени, сказал: «На этой земле мои люди будут счастливы⁸⁵. Белый человек не сможет

воткнуть в нее железо. Белый человек не придет сюда, здесь много холмов... белый человек не любит землю, где есть холмы, и он не придет. Если мои люди уйдут на запад, где земля похожа на пол вигвама, белый человек явится в наши вигвамы и скажет: «Мы хотим вашу землю». А там земля скоро закончится, и у осейджей не будет дома».

Так осейджи купили территорию по 70 центов за акр, и в начале 1870-х годов начался их исход. По словам свидетеля, «воздух наполнил плач старейшин, особенно женщин, голосивших о покидаемых навсегда могилах детей»⁸⁶. По завершении похода в новую резервацию племя разбило несколько лагерей. Самый главный из них располагался в Похаске, где на высоком холме Управление по делам индейцев⁸⁷ возвело для своего местного отделения внушительное здание из песчаника. Грей-Хорс, в западной части резервации, представлял собой тогда кучку свежепоставленных вигвамов. Тут и поселились поженившиеся в 1874 году Лиззи и Не-ка-е-се-й.

Череда принудительных переселений и такие «болезни белого человека», как оспа, нанесли племени огромный урон. Согласно одной оценке, за 70 лет его численность сократилась до 3 тысяч – одной трети от прежней. Чиновник по делам индейцев писал: «Эта малая часть – все, что осталось от героического народа, некогда неоспоримо владевшего регионом»⁸⁸.

Продолжение охоты на бизонов было для осейджей средством не только добычи пропитания, но и для поддержания традиций. «Это походило на прежнюю жизнь, – вспоминал сопровождавший их белый торговец⁸⁹. – Старейшины, как принято издавна, собирались у костра, вспоминали о прошлом и рассказывали истории о доблести и отваге, проявленной на войне и на охоте».

К 1877 году бизонов, на которых можно было бы охотиться, почти не осталось – власти еще ускоряли этот процесс, поощряя поселенцев истреблять животных. Как сказал один офицер: «Каждый мертвый бизон – одним индейцем меньше»⁹⁰. В своей политике в отношении племен государство перешло от сдерживания к принудительной ассимиляции, и чиновники все настойчивей пытались превратить осейджей в англоговорящих, «прилично» одетых и посещающих церковь земледельцев. Правительство обещало племени ежегодные выплаты за проданные земли в Канзасе, однако не раньше, чем индейцы трудоспособного возраста вроде Не-ка-е-се-й займутся сельским хозяйством. И даже после этого настаивало на выдаче вместо денег одежды и продуктовых пайков. Вождь осейджей жаловался: «Мы не собаки, чтобы нас кормили как собак»⁹¹.

Среди непривычных к земледелию и лишившихся бизонов осейджей начался голод. Члены племени походили на обтянутые кожей скелеты, многие умерли. В Вашингтон, округ Колумбия, срочно отправилась делегация осейджей во главе с вождем Ва-Ти-Ан-Ка ходатайствовать перед комиссаром по делам индейцев об отмене системы продовольственных пайков. По рассказу Джона Джозефа Мэтьюза, делегаты надели свою лучшую традиционную одежду, а Ва-Ти-Ан-Ка завернулся в красное одеяло по самые глаза – темные колодцы, в которых светилась сама история его народа.

Делегация вошла в приемную комиссара и ждала его. Когда тот наконец появился, то сказал переводчику:

– Передайте этим господам, что мне очень жаль, но на это время у меня назначена другая встреча, о которой я, к несчастью, запамятаю⁹².
Когда комиссар попытался уйти, Ва-Ти-Ан-Ка преградил ему путь к двери и сбросил одеяло. К неподдельному изумлению даже соплеменников, он был почти наг, не считая набедренной повязки и мокасин, а его лицо покрывала боевая раскраска. «Он стоял, как первобытный бог темных лесов», – писал Мэтьюз.

Ва-Ти-Ан-Ка сказал переводчику:

– Пусть этот человек сядет.

Комиссар послушался, и вождь продолжил:

– Мы прошли длинный путь, чтобы поговорить о деле.

Комиссар возмутился:

– Этот человек не умеет себя вести! Он явился в мой кабинет почти голым с боевой раскраской на лице. Очевидно, что он недостаточно цивилизован, чтобы обращаться с деньгами.

Ва-Ти-Ан-Ка ответил, что тела своего не стыдится, и после долгого нажима комиссар все же согласился положить конец политике пайков. Вождь накинул одеяло и заявил:

– Скажи этому человеку, что теперь все в порядке – он может идти.

Подобно многим другим соплеменникам, родители Молли старались придерживаться обычая. Наречие было одним из важнейших обрядов осейджей, только после него человек считался членом племени. Молли, родившуюся 1 декабря 1886 года, нарекли осейджским именем Ва-кон-та-хе-ум-

па. Ее сестрам также дали осейджские имена: Анне – Ва-ра-лум-па, Минни – Ва-ша-ши и Рите – Ме-се-мойе.

Однако процесс аккультурации ускорился, когда в резервацию начали прибывать поселенцы. Они не походили ни на осейджей, ни даже на шайеннов или пауни. Отчаянные, грязные оборванцы, люди из ниоткуда – как прискакавший немного спустя Уильям Хэйл. И даже те, кто, как он, тесно сблизились с осейджами, считали для них путь белого человека неизбежным, единственным, на котором они смогут выжить. Хэйл был полон решимости переделать не только себя, но и дикую местность, откуда пришел, – размежевать бескрайнюю прерию оградами и создать в ней сеть торговых факторий и городков.

В 1880-х годах живший на канзасском Фронтире Джон Флорер, называвший резервацию осейджей «землей обетованной», основал в Грей-Хорс первую факторию. Не-ка-е-се-й любил посидеть в тени proximity, принеся на продажу звериные шкуры, и Молли познакомилась с сыном торговца, первым в ее жизни другом, чья кожа была бледна, как рыбье брюхо.

Сын торговца вел дневник, где зафиксировал, пусть мимоходом, словно новую графу в гроссбухе, пережитую Молли и ее семьей экзистенциальную перемену. Он записал, как однажды торговец назвал Не-ка-е-се-й «Джимми». Затем и другие принялись звать его так, и вскоре старое осейджское имя было вытеснено новым. «Его дочери тоже часто заходили в магазин и получили имена там же», – писал сын торговца⁹³. Так Ва-кон-та-хе-ум-па стала Молли.

В ту пору Молли, как и мать, ходила в штанах, мокасинах, юбке, рубашке и одеяле, спала в уголке на полу семейного вигвама и много и тяжело работала. Однако это было довольно спокойное и счастливое время: Молли могла наслаждаться ритуальными танцами и праздниками, плескаться с подругами в ручье и наблюдать за скачками мужчин на мустангах по изумрудно-зеленым полям. Сын торговца писал: «Из той поры веет воспоминаниями, полузамытыми грезами о раскрывающемся перед сознанием ребенка чарующем мире, полном тайн и чудес»⁹⁴.

В 1894 году, когда Молли исполнилось 7 лет, родителей уведомили, что они должны отдать дочь в католическую школу-интернат для девочек в Похаске, до которой было два дня пути на лошадях к северо-востоку от Грей-Хорс. Как сказал комиссар: «Индейцам придется принять образ жизни белых – мирно, если захотят, или их заставят силой»⁹⁵.

Родителей Молли предупредили, что в случае неподчинения правительство прекратит ежегодные выплаты, обрекая семью на голод. Поэтому однажды мартовским утром Молли взяли из родного вигвама и запихнули в повозку. Та двинулась к центру резервации, Похаске, и девочка смотрела, как поселок Грей-Хорс, бывший для нее всей вселенной, понемногу исчезает, пока от него не остался лишь поднимающийся над вигвамами и тающий в небе дымок. До самого горизонта, как дно древнего моря, перед ней простиралась прерия. Ни следа поселений, ни единой души. Точно перевалив за край света, Молли оказалась «за пределами подвластной человеку земли», по выражению Уиллы Кэсер.

Трясясь в фургоне, Молли час за часом, милю за милю ехала по дикой пустой равнине, еще не тронутой человеком. Наконец свет начал меркнуть, и Молли с возницей пришлось остановиться и разбить лагерь. Когда солнце опустилось за горизонт, небо окрасилось кроваво-красным, а затем черным, и густоту тьмы разбавляли лишь луна и звезды, с которых, как верили осейджи, спустились многие из их кланов. Молли сделалась «идущей через туман». Ее окружили силы ночи, слышимые, но невидимые: бормотание койотов, вой волков и крики сов – по поверью, носительниц злого духа.

На следующий день однообразные прерии сменились поросшими лесом холмами, и Молли с возницей покатали вверх и вниз по склонам, мимо тенистых мэрилендских дубов и темных пещер – идеальных мест «для засады»⁹⁶, как раздраженно отозвался о них когда-то агент по делам индейцев, добавив: «Позвольте также отметить, что там... невежественные злодеи, способные на все». Они ехали, пока не встретили первую примету человеческого жилья – одноэтажную крашенную красным деревянную развалюху. Это была фактория для торговли с осейджами, рядом с которой притулились захудалый постоянный двор и кузня с громадной кучей подков. Здесь тропа расширялась, превращаясь в немощеную улицу, по обе стороны которой были разбросаны лавки. К каждой вел дощатый настил, чтобы покупатели не увязли в грязи, у дверей торчали коновязи, а видавшие виды фасады – некоторые для внушительности с фальшивым вторым этажом, –казалось, вот-вот свалятся под напором ветра.

Так Молли добралась до Похаски. Хотя в ту пору столица резервации представляла собой убогое местечко – «мелкую грязную факторию», по выражению одного приезжего, – девочка еще никогда в жизни не видела поселения крупнее. Проехав еще с милю, фургон подкатил к мрачному каменному зданию о четырех этажах. Это и была католическая миссионерская

школа, где Молли оставили на попечение женщин в черно-белых одеяниях. За дверью – Мэтьюз однажды описал вход в другую школу-интернат для осейджей как «громадную черную пасть, как у рыси, только больше и темнее»⁹⁷ – змеился лабиринт освещенных керосиновыми лампами коридоров, по которым гуляли сквозняки.

Молли пришлось снять с плеч индейское одеяло и надеть простенькое платье. По-осейджски ей говорить запрещали – она должна была выучить язык белого человека. Еще ей вручили Библию, начинавшуюся с четкого представления о Вселенной: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы».

Каждый час дня в школе был строго регламентирован. С урока на урок воспитанниц водили строем. Учили игре на фортепьяно, чистописанию, географии и арифметике, умевшшей весь окружающий мир в странных, непривычных символах. Обучение было призвано ассилировать Молли в общество белых, превратить в образцовую, с точки зрения властей, женщину. И пока в других школах осейджским мальчикам преподавали сельское хозяйство и плотницкое ремесло, ее учили «домоводству»: шить, пекать, стирать и вести хозяйство.

«Невозможно переоценить важность скрупулезного обучения индейских девочек⁹⁸, – заявлял американский федеральный чиновник, добавляя: – Много ли проку трудолюбивому мужу, в поте лица зарабатывающему на еду и одежду для семьи, если жена не смыслит в готовке и шитье, не имеет представления о порядке и опрятности, не может внести в дом веселье и счастье, а обращает его в жалкую мерзость запустения и нищеты? … Именно женщины упорнее всего цепляются за языческие обряды и суеверия и передают их далее, внушая своим детям».

Нередко однокашницы Молли пытались бежать, однако стражи закона преследовали их на лошадях, вязали веревками и притаскивали обратно. Молли проводила в школе восемь месяцев в году, по возвращении в Грей-Хорс замечая, что все больше девушек отказываются носить одеяла и мокасины, а юноши предпочитают кожаным штанам брюки и традиционным прическам в виде гребня – широкополые шляпы. Многие ученики начали стесняться родителей, не понимавших английского и продолжавших жить по старым обычаям. Одна из индейских матерей сказала о сыне: «Его уши глухи к нашим словам»⁹⁹.

Семья Молли жила на стыке не только двух столетий, но и двух цивилизаций. Особенно тяжкие испытания им пришлось пережить в конце 1890-х годов, когда правительство США до предела усилило нажим кампании ассилияции, приняв

закон о распределении земель. В соответствии с ним в резервации осейджей планировалось выделить участки по 160 акров и передать их в частную собственность, причем каждому члену племени полагался один бесплатный надел, а остальная территория предоставлялась поселенцам. Подобная система уже применялась в резервациях множества других племен и служила разрушению старинного общинного уклада жизни американских индейцев, а передача земель в частное владение, отнюдь не случайно, весьма облегчала их приобретение белыми.

Осейджи видели, что произошло на Черокском клине – обширной полосе прерии у западной границы их владений. После выкупа этой территории у чероки правительство США объявило, что в полдень 16 сентября 1893 года каждый американский поселенец сможет получить один из сорока двух тысяч наделов – если только доберется до места первым! За несколько дней до начала со всех концов страны – от Калифорнии до Нью-Йорка – съехались и столпились вдоль границы десятки тысяч мужчин, женщин и детей: оборванная, грязная, жаждущая людская масса простерлась до горизонта, точно армия солдат, ополчившихся друг на друга.

В конце концов, после того как нескольких «торопыг», пересекших границу раньше срока, застрелили, началась гонка – «НЕВИДАННАЯ В ИСТОРИИ ГОНКА ЗА ЗЕМЛЮ»¹⁰⁰, как провозгласила одна из газет. Журналист писал: «Бросившись вперед, люди сшибали друг друга»¹⁰¹. Женщины вскрикивали и падали в обморок, их затаптывали, возможно, насмерть». И продолжал: «По всей прерии лежали мужчины, женщины и лошади. Куда ни глянь, люди, в споре о первенстве, насмерть дрались за участки. На солнце сверкали выхваченные ножи и револьверы – это была жуткая и захватывающая картина, не поддающаяся никакому описанию... схватка, в которой не было места жалости, где все сражались против всех и каждый за себя». К вечеру Черокский клин был расхвачан на клочки.

Поскольку осейджи купили свою землю, правительству было сложнее навязать им свою политику выделения. Племени во главе с одним из величайших вождей в его истории, Джеймсом Бигхартом, который говорил на семи языках, в том числе сиу, французском, английском и латыни, и носил костюм, удалось предотвратить раздел. Однако с каждым днем давление нарастало. Теодор Рузвельт уже предупредил, что постигнет индейца, отказывающегося от личного надела: «Пусть он, как и не желающий работать белый, исчезнет с лица земли, которой пренебрегает»¹⁰².

К началу XX века Бигхарт и другие осейджи поняли, что им больше не удастся уклониться от того, что один правительственный чиновник назвал надвигающейся «великой бурей»¹⁰³. Правительство США планировало размежевать Индейскую территорию и включить ее в состав нового штата под названием Оклахома (что на языке чокто означает «красные люди»). Бигхарт смог отсрочить неизбежное на несколько лет – осейджи стали последним племенем на Индейской территории, подвергшимся распределению земель. В результате у них оказалось больше рычагов давления на власти, так как правительственные чиновники очень спешали устраниТЬ последние препятствия на пути учреждения нового штата. В 1904 году Бигхарт направил в Вашингтон «держать руку на пульсе»¹⁰⁴ энергичного молодого адвоката Джона Палмера. Осиротевший сын белого торговца и индианки-сиу, Палмер в детстве был усыновлен осейджской семьей и впоследствии женился на девушке из того же племени. Сенатор США от штата Оклахома называл Палмера «самым красноречивым из ныне живущих индейцев»¹⁰⁵.

В течение нескольких месяцев Бигхарт и Палмер вместе с другими представителями племени вели переговоры с правительстvenными чиновниками об условиях выделения. Осейджам удалось взять верх, добившись раздела всей территории резервации исключительно между собой, увеличив тем самым размер участка каждого со 160 до 657 акров. Эта стратегия позволила избежать безумной земельной гонки, хотя впоследствии белые могли попытаться выкупить наделы у индейцев. Осейджи также сумели вписать в соглашение казавшуюся в то время простым курьезом оговорку: «Нефть, газ, уголь или другие полезные ископаемые, находящиеся в недрах этих земель... закрепляются в собственности племени осейдж»¹⁰⁶.

В племени знали, что на их территории есть нефть. За десять с лишним лет до этого один осейдж показал владельцу фактории в Грей-Хорс Джону Флореру радужную пленку на поверхности ручья на востоке резервации. Индеец окунул туда свое одеяло и выжал жидкость в сосуд. Флореру показалось, что жидкость пахнет, как колесная мазь, продающаяся в его магазине. Он поспешил домой и показал образец товарищам, подтвердившим его подозрения: это была нефть. Вместе с партнером, богатым банкиром, Флорер заключил с племенем договор аренды для начала бурения. Мало кто представлял, что под землей резервации скрыто несметное богатство, хотя к началу переговоров о выделении пары небольших скважин уже действовали. Осейджи дальновидно удержали за собой эту последнюю область своих владений – область, недоступную взору. После согласования в 1906 году условий закона о выделении Палмер хвалился в

Конгрессе: «Этот договор с осейджами написан мной от первого до последнего слова»¹⁰⁷.

Как все, внесенные в список племени¹⁰⁸, Молли и каждый член ее семьи имели право на денежные отчисления со своего пая в фонде доходов от добываемой нефти. Когда на следующий год Оклахома в качестве сорок шестого штата вошла в состав США, индейцы получили возможность продавать свои земли на территории современного округа Осейдж. Однако для сохранения контроля племени над нефтяным фондом ни купить, ни продать пай было нельзя, они передавались исключительно по наследству. Так Молли и ее семья стали частью первой подземной резервации.

Вскоре племя принялось сдавать участки в аренду белым нефтеразведчикам. Молли видела трудившихся с каким-то исступлением чумазых рабочих – заправщиков бурового инструмента, такелажников, чистильщиков буров, мастеров-трубопроводчиков. Они опускали в недра земли заряд нитроглицерина и взрывали. Иногда на поверхности оказывался древний наконечник индейского копья или стрелы – его разглядывали в изумлении, как диковинку. Эти люди возводили деревянные конструкции, уходившие в небо, как храмы, и распевали на своем особом языке: «Попрыгали, кошки, попрыгали! Вешай на крюк, не сачкуй! Вира давай помалу! Дятел, задай отсчет! Вверх по швабрам! Выбивай подпорку!»¹⁰⁹ Многие «дикие» нефтеразведчики, набурив «сухих» скважин, быстро отчаливались и сбегали. О таких белых осейджи говорили: «Как если завтра им прийти конец света»¹¹⁰.

В начале XX века адвокат из Миннеаполиса Джордж Гетти начал семейное дело по поиску нефти в восточной части резервации осейджей, на участке № 50, арендованном за 500 долларов. Его сын Жан Пол Гетти, впоследствии основатель «Гетти Ойл Компани», бывал там еще мальчишкой. «То были времена первопроходцев, – вспоминал он¹¹¹. – Никаких автомобилей, телефонов тоже почти не было, как и электрического освещения. Хотя уже начинался двадцатый век, девятнадцатый еще очень здорово напоминал о себе. Это казалось настоящим приключением. В отличие от меня, родители никогда не понимали всей его прелести. Мы частенько посещали наш участок, примерно в девяти милях в глубь территории осейджской резервации, добираясь туда в запряженном лошадьми фургоне. Поездка занимала пару часов, и по пути приходилось переправляться через реку вброд». Перед первой встречей с индейцами Жан Пол спросил отца: «Они опасны? Мы будем с ними драться?»¹¹² Отец рассмеялся. «Нет, – сказал он. – Они вполне тихие и миролюбивые».

Однажды промозглым весенним днем 1917 года «дикий» нефтеразведчик Фрэнк Филлипс – еще совсем недавно торговавший чудодейственным эликсиром от облысения – вместе с рабочими находился на участке № 185, всего в полумиле от участка № 50. Они стояли на буровой платформе, когда вышка затряслась, словно мимо проносился локомотив. Из дыры в земле раздалось громовое бульканье, рабочие бросились врассыпную, а их крики утонули уже в настоящем реве. Буровой мастер подхватил и стащил Филлипса с платформы в тот самый миг, когда земля разверзлась, и в небо взметнулся черный столб нефти.

Каждая новая находка поражала воображение сильнее предыдущей. В 1920 году Э. У. Марлэнд, когда-то бедный настолько, что не мог позволить себе купить билет на поезд, открыл Бербанк, одно из самых высокопроизводительных нефтяных месторождений в Соединенных Штатах: за первые сутки новая скважина дала 680 баррелей.

Посмотреть на забивший из скважины фонтан сбежалась, толкаясь за лучшие места и боясь вызвать искру, толпа осейджей. Они во все глаза уставились на нефтяные струи, взмывавшие на пятьдесят, шестьдесят, а иногда и сто футов в высоту. Черные, будто крылья ангела смерти, те изгибались громадной, выше буровой вышки дугой. Брызги пятнали поля и цветы, пачкали лица рабочих и зевак, но радостные люди кинулись обниматься и подбрасывать шляпы. Бигхарта, умершего вскоре после проведенного по его правилам выделения, провозгласили «осейджским Моисеем». А темная, вязкая, резко пахнущая минеральная субстанция казалась теперь прекраснейшей вещью на свете.

Глава 5

Ученики дьявола

Деньги были единственным инструментом в распоряжении Молли, способным побудить равнодушные белые власти начать поиски убийц индейцев. После смерти Лиззи в июле 1921 года Билл Смит предоставил властям собранные им доказательства ее медленного отравления, однако дело не рассмотрели и в августе. Расследование убийства Анны за три месяца тоже не продвинулось. Чтобы стимулировать следствие, семья Молли опубликовала заявление, в котором предлагала денежное вознаграждение в размере 2000 долларов за любую информацию, содействующую раскрытию «гнусных преступлений»¹¹³, представляющих «общественную опасность». Семья Уайтхорна также предложила награду в размере 2500 долларов за поимку убийц Чарльза, как сообщала «Похаска дейли кэпитал». А Уильям Хэйл, который вел кампанию по

искоренению преступности в округе Осейдж, пообещал награду всем, кто доставит убийц живыми или мертвыми. «Мы должны остановить пролитие крови»¹¹⁴, – заявил он.

Однако ситуация с местными правоохранителями продолжала ухудшаться. Вскоре генеральный прокурор штата Оклахома выдвинул против шерифа Фриса обвинения в умышленном «необеспечении соблюдения закона»¹¹⁵ – попустительстве бутлегерству и азартным играм. Тот обвинения отрицал, и пока дело ожидало суда, два могущественных стражи порядка враждовали друг с другом. Принимая во внимание эту неразбериху, Хэйл заявил, что пришло время нанять частного сыщика.

В XIX и начале XX века детективные агентства заполняли вакуум, оставляемый децентрализованными, недофинансируемыми, некомпетентными и коррумпированными полицейскими управлениями. В литературе и народном сознании проницательный частный сыщик – сыскарь, агент, ищейка, шпик – сменил доблестного шерифа как архетип жесткого правосудия. Он покорял новый, полный опасностей фронтier темных переулков и вонючих трущоб. Фирменным знаком героя был уже не дымящийся шестизарядный «колт» – детектив, подобно Шерлоку Холмсу, полагался на поразительные способности разума и дедукции, умение видеть то, что ускользало от внимания Ватсонов. Он находил ключ к разгадке в хаосе улик и, по выражению одного автора, «превращал жестокие преступления –rudimentsы звериного в человеке – в интеллектуальные головоломки»¹¹⁶.

Тем не менее преклонение перед частными детективами с самого начала мешалось с отвращением. Не имевшие специальной подготовки, никем не контролируемые, они часто сами имели криминальное прошлое. Зависимость от того, кто платит, делала их в массовом сознании шпионами, вынюхивающими чужие секреты. Само название профессии происходит от латинского глагола, означающего «срывать крышу», и так как, по преданию, приспешники сатаны могли тайно заглядывать в дома, поднимая крыши, детективов называли «учениками дьявола»¹¹⁷. В 1850 году Алан Пинкerton основал первое американское частное детективное агентство. В рекламных объявлениях девиз его компании «Мы никогда не спим» печатали под эмблемой в масонском стиле – огромным недреманным оком. В руководстве по общим принципам и нормам, служившем программным документом компании, Пинкертон признавал, что порой детектив вынужден «отступать от строгой истины»¹¹⁸ и «прибегать к обману». И все же даже множество людей, презиравших эту профессию, считали ее неизбежным злом. Как выразился один

частный сыщик, он может быть «жалким пресмыкающимся»¹¹⁹, но при этом и «тихим, тайным и действенным мстителем попранного величия Закона, когда все прочие средства исчерпаны».

Хэйл нанял мрачного частного детектива из Канзас-Сити, известного как Пайк. Чтобы не раскрываться, Пайк, с просмоленными от постоянного курения кукурузной трубки усами, встретился с заказчиком в укромном месте неподалеку от Уизбанга (столпы общества вроде Хэйла считали это название непристойным и именовали город «Денойя» в честь прославленной осейджской семьи). Разговор состоялся под небом, закопченным дымом с нефтяных месторождений, после чего взявшийся за расследование Пайк ускользнул так же незаметно, как появился.

Частных детективов, по распоряжению Молли и ее семьи, нанял и управляющий имуществом Анны. Это был Скотт Мэтис, владелец «Биг Хилл Трейдинг Компани», уже давно в качестве опекуна ведавший финансовыми делами Анны и Лиззи. Правительство США утверждало, что большинство осейджей неспособны распоряжаться своими деньгами, и требовало от Управления по делам индейцев определить, кто может и кто не может делать это сам. Несмотря на решительные возражения племени, многих, в том числе Лиззи и Анну, признали «недееспособными» и заставили нанять белого опекуна из местных, который контролировал и одобрял все их расходы, вплоть до покупки зубной пасты. Один осейдж, прошедший Первую мировую войну, жаловался: «Я сражался за эту страну во Франции¹²⁰, а мне не разрешают даже подписывать собственные чеки». Опекунов обычно выбирали из числа самых видных белых граждан округа Осейдж.

Мэтис и опекун Уайтхорна собрали по целой команде частных сыщиков. Большинство расследовавших дела о смерти осейджей детективов работали в «Международном детективном агентстве Уильяма Дж. Бёрнса». Бёрнс, бывший агент Секретной службы США, стал следующим после ПинкERTона самым известным в мире сыщиком. Невысокий крепкий мужчина с пышными усами и копной рыжих волос, Бёрнс в молодости хотел стать актером и тщательно выстраивал свой образ загадочной всесильности, для чего, в частности, сам писал на материале своих дел детективные рассказы. В одной из подобных книг он заявлял: «Меня зовут Уильям Дж. Бёрнс, и мой адрес – Нью-Йорк, Лондон, Париж, Монреаль, Чикаго, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Сиэтл, Новый Орлеан, Бостон, Филадельфия, Кливленд… – везде, где у законопослушного гражданина может возникнуть нужда в людях, которые знают, как хладнокровно выкуриТЬ из засады затаившегося наемного убийцу или

разоблачить преступника, подстерегающего ничего не подозревающую жертву»¹²¹. Хотя за безудержную саморекламу его окрестили «детективом первой полосы», послужной список у него был впечатляющий, включая поимку виновных в теракте 1910 года в редакции «Лос-Анджелес таймс», унесшего жизни 20 человек. Газета «Нью-Йорк таймс» назвала Бёрнса «пожалуй, единственным воистину великим детективом, единственным гением сыска, рожденным этой страной»¹²², а сэр Артур Конан Дойл наградил самым желанным для сыщика прозвищем – «американский Шерлок Холмс».

Правда, в отличие от последнего Бёрнс мошенничал с присяжными, однажды, как утверждают, похитил подозреваемого и вообще регулярно использовал грязные приемы. Пойманный при попытке вломиться в нью-йоркскую адвокатскую контору с целью похищения улик, он заявил, что подобные методы порой необходимы для добычи доказательств и что такие приемы «тысячу раз»¹²³ применялись частными детективами. Бёрнс был идеальным воплощением новой профессии.

В то лето¹²⁴ команда нанятых Мэтисом сыщиков начала проникать в округ Осейдж. В ежедневных отчетах каждый из них указывал только шифрованный номер. Вначале агент № 10 попросил Мэтиса, бывшего присяжным при расследовании, показать ему место преступления. «Мы поехали туда, где было найдено тело»¹²⁵, – писал № 10.

Один из них поговорил с экономкой Анны. Та показала, что после обнаружения тела получила ключи хозяйки и с ее сестрой Ритой Смит вошла в дом.

Невероятно, но никто из управления шерифа еще не произвел там обыск. Женщины с опаской открыли дверь и ступили в тишину. Ювелирные украшения, одеяла и картины – все ценное, собранное Анной за всю жизнь, – теперь были словно развалины покинутого города. Горничная, помогавшая Анне одеваться в день исчезновения, вспомнила: «Все осталось как тогда» – все, кроме одного¹²⁶. Сумочка из крокодиловой кожи, с которой Анна ходила на обед к Молли, теперь валялась на полу, «вывернутая наизнанку».

Больше в доме, похоже, ничего не украли, а наличие сумочки свидетельствовало о том, что после обеда Анна, видимо, действительно побывала дома. Деверь Молли Брайан, очевидно, говорил правду. Но не он ли заехал за Анной еще раз? Или это был кто-то другой?

Агент № 10 обратился к другому многообещающему источнику информации: записям о входящих и исходящих звонках Анны. В те дни соединение производилось вручную телефонисткой, причем междугородняя связь часто осуществлялась через несколько последовательных коммутаторов. При этом

обычно велся учет звонков. Согласно журналу телефонной станции Фэрфакса, в вечер исчезновения Анны, примерно в 8.30, ей позвонили из конторы в Ралстоне, городе в шести милях к юго-западу от Грей-Хорс. Записи показали, что кто-то, предположительно сама хозяйка, взял трубку. Это означало, что в 8.30 Анна, очевидно, еще была дома – новое доказательство правдивости слов Брайана.

Частный детектив, предчувствуя прорыв в расследовании, поспешил в Ралстон. Владелец конторы, однако, утверждал, что Анне не звонил и никто другой его аппаратом воспользоваться не мог. Более того, ни на одной телефонной станции Ралстона не нашлось записи о соединении с Фэрфаксом. «Этот звонок кажется загадкой»¹²⁷, – писал № 10. Он подозревал, что на самом деле ралстонский номер был фальшивкой – телефонистке заплатили за уничтожение истинной записи в журнале, зафиксировавшей настоящий источник. Похоже, кто-то заметал следы.

Агент № 10 планировал внимательней присмотреться к Оде Брауну. «Главное подозрение¹²⁸ падает на бывшего мужа», – писал он. Однако было уже поздно, и детектив закончил свой отчет словами: «Расследование приостановлено в 11 вечера».

Через неделю другой член команды – № 46 – отправился искать Брауна в городе Понка, в 25 милях к северо-западу от Грей-Хорс. По прерии пронеслась страшная буря и превратила дороги в реки грязи, поэтому детективу удалось добраться до места только с наступлением темноты и лишь для того, чтобы обнаружить, что Брауна здесь нет. Говорили, что он уехал в Перри, штат Оклахома, где жил его отец. На следующий день № 46 поездом отправился на юг, но Брауна не оказалось и там – по слухам, он был в округе Пауни. «Поэтому я первым же поездом уехал из Перри»¹²⁹, – писал в отчете № 46. Рутина расследования, о которой не прочтешь в рассказах о Шерлоке Холмсе, – ложные следы и тупики.

Бесцельно проездив взад-вперед, в округе Пауни № 46 наконец нашел того, кого искал – субтильного мужчину с сигаретой во рту, с волосами цвета ржавчины и хитрым взглядом матово-серых глаз. Ода Браун был с индианкой-пауни, на которой, по имеющимся сведениям, женился после смерти Анны. № 46 следовал за ними как тень и в удобный момент попытался сблизиться с Брауном. Составленное Пинкertonом руководство советовало: «Бдительный детектив¹³⁰ подловит преступника в момент слабости и, проявив сочувствие и втеревшись в доверие, выудит гложущую того тайну». № 46 так и сделал. Когда Браун упомянул, что его бывшую жену убили, детектив попытался выведать,

где тот находился в момент ее смерти. Возможно, подозревая, что его новый друг – сыщик, Браун сказал, что уезжал с другой женщиной, но не скажет куда. № 46 пристально посмотрел на Брауна. Согласно все тому же руководству, тайна преступника становится его внутренним «врагом» и «ослабляет силу его сопротивления»¹³¹. Однако Браун, казалось, совсем не нервничал.

Пока № 46 работал с Брауном, другой агент – № 28 – узнал от молодой женщины из племени кай, жившей близ западной границы округа Осейдж, возможно, важнейшую информацию. В подписанном заявлении она утверждала, что Роуз Осейдж, индианка из Фэрфакса, призналась ей, что убила Анну после того, как та попыталась соблазнить ее парня, Джо Аллена. Роуз сказала, что они втроем ехали в машине и она «выстрелила ей в макушку»¹³², а затем с помощью Джо сбросила тело в Три-Майл-Крик. Поскольку одежда Роуз была забрызгана кровью, она ее сняла и тоже кинула в ручей.

Рассказ звучал мрачно, однако агенту № 28 это открытие весьма подняло настроение. В своем ежедневном отчете он писал, что провел несколько часов с Мэтисом и шерифом Фрисом, чей судебный процесс был еще впереди, в поисках этой «улики, кажется, ведущей к разгадке дела»¹³³.

Однако детективам никак не удавалось подтвердить историю осведомительницы. Анну ни с Роуз, ни с Джо никто не видел. В ручье рядом с телом одежды не нашли. Может, доносчица элементарно лгала ради получения вознаграждения?

Шериф Фрис, тряся складками жира на шее и груди, убеждал частных детективов отказаться от этой версии. Потом предложил другую: якобы с Анной незадолго до ее смерти видели двух крутых парней из лагеря нефтяников, а потом те смылись. Сыщики согласились расследовать и этот слух. Однако что касается заявления против Роуз, агент № 28 также обещал «не оставлять этот след»¹³⁴.

Частные детективы поделились тем, что им стало известно, с зятем Молли Биллом Смитом, продолжавшим собственное расследование.

Двадцативосьмилетний Смит, прежде чем породниться с осейджами и их деньгами, был конокрадом. Сначала он женился на сестре Молли Минни, а затем в 1918 году – всего через несколько месяцев после ее смерти от таинственной «скоротечной болезни» – состоялась его свадьба с другой сестрой, Ритой. Напиваясь, Билл не раз поднимал на жену руку. Впоследствии слуга вспоминал, что после одного из скандалов «она была вся в синяках»¹³⁵, а Билл сказал ему: «С этими скво только так и можно поладить». Рита часто грозилась уйти от мужа, но так и не сделала этого.

Рита обладала острым умом, но, по мнению близких, его затмевала любовь, которую кое-кто из них назвал «воистину слепой»¹³⁶. У Молли в отношении Билла имелись сомнения: не был ли тот как-то причастен к смерти Минни? Хэйл дал понять, что тоже не доверяет ему, а как минимум один местный адвокат заявлял, что Билл «осквернил священные узы брака погоней за грязной выгодой»¹³⁷.

Однако в деле об убийстве Анны Билл, по всей видимости, энергично стремился установить виновного. Узнав, что у одного портного в городе может быть информация, он с частным детективом отправился задать ему вопросы. Однако выяснилось, что речь идет лишь об уже известном слухе, будто Анну в припадке ревности убила Роуз Осейдж.

Отчаявшись добиться прорыва, сыщики решили установить «жучок» для прослушивания разговоров Роуз и ее приятеля. Четких законов об электронном наблюдении тогда еще не существовало, и Бёрнс был завзятым приверженцем применения диктографа – примитивного подслушивающего устройства, которое можно было спрятать в часах или люстре. «Бёрнс стал первым американцем¹³⁸, увидевшим огромные возможности этого инструмента в детективной работе, – писал в 1912 году «Литерари дайджест». – Он настолько влюблен в него, что всегда носит в кармане». Подобно тому, как в XIX веке Аллан Пинкerton стяжал известность «глаза», в XX столетии Бёрнс прославился как «ухо».

Спрятавшись в другой комнате, детективы надели наушники и принялись подслушивать прерываемые помехами голоса Роуз и ее приятеля. Однако, как часто случается в ходе наблюдения, прилив энтузиазма быстро сменился утомлением от погружения во внутреннюю жизнь других людей, и в конце концов сыщики уже не спешили записывать подслушанные ими безобидные подробности.

Тем не менее, прибегнув к более традиционным методам, им удалось сделать потрясающее открытие. Таксист, подвозивший в день исчезновения Анну в дом Молли, рассказал, что пассажирка попросила его сначала остановиться на кладбище Грей-Хорс. Она вышла и побрела меж надгробий, пока не остановилась у могилы отца. На мгновение Анна замерла рядом с местом, где вскоре похоронят и ее саму, словно вознося про себя скорбную молитву. Затем вернулась к машине и попросила водителя прислать кого-нибудь принести цветы на могилу отца. Ей хотелось, чтобы место его упокоения всегда была красивым.

Когда они двинулись дальше к дому Молли, Анна повернулась к водителю – он почувствовал запах алкоголя – и доверила ему тайну: у нее скоро будет «малыш»¹³⁹.

– Боже мой, не может быть, – ответил он.

– Может, – сказала она.

– Правда?

– Да.

Впоследствии детективы нашли подтверждение еще у двух близких Анне людей – им она тоже рассказала о своей беременности. Однако кто отец ребенка, осталось неизвестным.

В один из летних дней в Грей-Хорс появился незнакомец с чаплиновскими усиками и предложил детективам помочь. Вооруженного короткоствольным «бульдогом» 44-го калибра мужчину звали А. У. Комсток, он был местным адвокатом и опекуном нескольких осейджей. Кое-кто из местных считал его орлиный нос и смуглую кожу свидетельством примеси индейской крови, и тот ради успеха своей адвокатской практики не слишком стремился это опровергать.

«То, что он походил на краснокожего, видимо, должно было помочь ему ладить с ними?»¹⁴⁰ – скептически вопрошал другой адвокат. Уильям Бёрнс некогда вел против Комстока расследование – якобы тот содействовал нефтяной компании в подкупе племенного совета осейджей для получения выгодных условий аренды, – однако обвинение так и не было доказано.

Учитывая широкие связи Комстока среди осейджей, частные сыщики приняли его предложение о помощи. В то время как они пытались установить связь между убийствами Чарльза Уайтхорна и Анны Браун, Комсток нарыл несколько любопытных фактов через свою сеть информаторов. Поговаривали, что вдова Уайтхорна Хэтти жаждала заполучить деньги мужа и ревновала его к другой женщине. Не к Анне ли? Из подобной гипотезы логично вытекал следующий вопрос: не был ли Уайтхорн отцом ее ребенка?

Детективы установили за Хэтти наблюдение. В этом они были мастерами и тенью скользили за ней повсюду, сами оставаясь незамеченными: «Агент следует¹⁴¹ за миссис Уайтхорн из Окл. – Сити в Похаску. … Выехал из Окл. – Сити вслед за целью в Гатри. … Сопровождаю объект из Талсы в Похаску». Однако и это не принесло результатов.

К февралю 1922 года, через девять месяцев после убийства Уайтхорна и Анны Браун, следствие, казалось, окончательно зашло в тупик. Детектив Пайк, нанятый Хэйлом, сдался и уехал. Вышел из игры и шериф Фрис – его отстранили от должности после признания виновным в неисполнении своих обязанностей.

Одним холодным вечером того же месяца в доме 29-летнего осейджа Уильяма Степсона, чемпиона родео, раздался телефонный звонок, после которого он выехал в Фэрфакс. Некоторое время спустя Степсон, всегда бывший в отличной форме, вернулся к жене и двоим детям откровенно больной. Буквально в считанные часы он скончался. После вскрытия было установлено, что кто-то, кого он встретил в короткой поездке, подсыпал ему отраву, возможно, стрихнин – горький белый алкалоид, который один медицинский трактат XIX века называл «обладающимнейшей пагубной силой»¹⁴², чем практически любой другой яд. В трактате описывалось, как лабораторные животные после инъекции стрихнина «возбуждаются и дрожат, а потом застывают и дергают конечностями»¹⁴³, и далее: «эти симптомы нарастают до тех пор, пока не начинается приступ мощного общего спазма, при котором голова откидывается назад, позвоночник напрягается, конечности разбрасываются и коченеют, а дыхание прекращается из-за паралича грудного отдела». Последние часы Степсона, вероятно, были страшно мучительны: мышцы дергались, как от ударов электрическим током, шея вытянулась, челюсти сжались; он пытался вдохнуть, но легкие сводило, пока он в конце концов не умер от удушья. К тому времени ученые разработали множество методов обнаружения яда в теле. Можно было взять образец ткани трупа и проверить на присутствие целого ряда токсичных веществ – от стрихнина до мышьяка. Однако на большей части территории США эти судебно-медицинские методы применялись еще реже, чем сличение отпечатков пальцев или баллистические экспертизы. В исследовании 1928 года, проведенном Национальным научно-исследовательским советом, содержался вывод о том, что в большинстве округов коронеры «не имели должной подготовки и квалификации»¹⁴⁴ и располагали лишь «посредственным штатом помощников и не отвечающим необходимым требованиям оборудованием». В таких местах, как округ Осейдж, где вообще не было коронеров-криминалистов и экспертино-криминалистических лабораторий, отравление становилось безупречным способом убийства. На полках аптек и бакалейных магазинов яды были представлены в изобилии и в отличие от оружейного выстрела действовали тихо. При этом симптомы нередко напоминали течение естественных

заболеваний – рвоту и понос при холере или конвульсии при сердечном приступе. Во времена сухого закона было такое множество смертей от метанола и других токсичных примесей в бутлегерском виски, что убийца мог запросто бросить отраву в стакан самогона и ни у кого не возникло бы подозрений. 26 марта 1922 года, меньше чем через месяц после убийства Степсона, в смерти одной осейджской женщины также заподозрили отравление. И снова токсикологическая экспертиза не была проведена. Позднее, 28 июля, Джо Бейтс, осейдж возрастом за тридцать, приобрел у незнакомца виски, сделал глоток и упал с пеной у рта. Причиной смерти власти назвали неустановленный яд. У Бейтса остались жена и шестеро детей.

В августе того же года, когда число подозрительных смертей перевалило за дюжину, делегация осейджей убедила Барни Макбрайда, богатого 55-летнего белого нефтепромышленника, отправиться в Вашингтон и ходатайствовать перед федеральными властями о проведении расследования. Макбрайд был некогда женат на индианке из народа криков, уже покойной, и воспитывал падчерицу. Он много занимался делами индейцев Оклахомы, и осейджи ему доверяли; один журналист характеризовал его как «добросердечного седовласого мужчину»¹⁴⁵. Принимая во внимание его обширные связи в Вашингтоне, Макбрайд был идеальным посланцем.

В столичной гостинице он нашел присланную коллегой телеграмму: «Будьте осторожны»¹⁴⁶. Макбрайд, везде носивший с собой Библию и револьвер 45-го калибра, отправился вечером поиграть в бильярд. Когда нефтепромышленник выходил из клуба, его схватили и натянули на голову джутовый мешок.

Следующим утром труп Макбрайда обнаружили в дренажной трубе в Мэриленде. На теле насчитали более двадцати ножевых ран, череп проломлен, из одежды остались только носки и ботинки, в один из которых сунули его визитку. Результаты судмедэкспертизы свидетельствовали о том, что нападавший был не один, и власти подозревали, что преступники следили за жертвой от самой Оклахомы.

Новость быстро долетела до Молли и ее семьи. Убийство, названное газетой «Вашингтон пост» «жесточайшим в криминальных анналах округа Колумбия»¹⁴⁷, казалось, было больше чем просто убийством. В нем чувствовалось предупреждение, угроза. Заголовок более поздней статьи в «Вашингтон пост» указывал на становившееся все более и более ясным: «ЗАГОВОР С ЦЕЛЬЮ УБИЙСТВА БОГАТЫХ ИНДЕЙЦЕВ»¹⁴⁸.

Глава 6

Вяз миллионеров

Однако даже убийства не могли остановить нефтяных баронов. Каждые четыре месяца, в десять утра, крупнейшие нефтепромышленники мира – в том числе Э. У. Марлэнд, Билл Скелли, Гарри Синклер и Фрэнк Филлипс с братьями – прибывали на вокзал Похаски в собственных роскошных вагонах. Об их приезде газеты возвещали статьями под заголовками: «ПРИБЫВАЕТ ЭКСПРЕСС МИЛЛИОНЕРОВ»¹⁴⁹, «СЕГОДНЯ ПОХАСКА – ГОРОД МИЛЛИОНЕРОВ»¹⁵⁰, «МИЛЛИОНЕРЫ ЛОВЯТ ПОДХОДЯЩИЙ МОМЕНТ»¹⁵¹.

Бароны приезжали на аукцион аренды осейджских нефтяных участков – мероприятие, проводимое примерно трижды в год под патронатом министерства внутренних дел. Один историк окрестил их «осейджским Монте-Карло»¹⁵². К началу аукционов в 1912 году лишь часть обширной подземной резервации округа Осейдж была открыта для бурения, и предложения цены за один арендный участок площадью обычно в 160 акров доходили до заоблачных высот. В 1923 году газета «Дейли Оклахомэн» писала: «Герой романа «Миллионы Брюстера»¹⁵³ едва не заработал нервный срыв, пытаясь потратить 1 000 000 долларов за год. Окажись он в Оклахоме... он мог бы сделать это одним легким кивком головы».

В хорошую погоду аукционы проводились под открытым небом на вершине холма в Похаске, в тени огромного дерева, прозванного Вязом Миллионеров. Зрители съезжались за много миль. Иногда мероприятие посещали и Эрнест с Молли, как и другие ее соплеменники. «Среди публики присутствует и толика цветных, поскольку осейджи... нередко также являются сюда невозмутимыми, но заинтересованными зрителями»¹⁵⁴, – сообщало, не отходя от общепринятых стереотипов, информационное агентство «Ассошиэйтед Пресс». Большой интерес к аукционам проявляли и другие местные жители, в том числе такие видные поселенцы, как Хэйл и Мэтис. Деньги от нефтяного бума, рекой текущие в общину, помогали выстраивать бизнес и реализовывать некогда фантастические мечты о превращении дикой прерии в маяк торговли.

Аукционист – высокий белый мужчина с редеющими волосами и раскатистым голосом – вставал под деревом. Обычно на нем была рубашка в яркую полоску, целлULOидный воротничок и длинный галстук, а из кармана свисала металлическая цепочка карманных часов. Кёнэл Элсуорт Уолтерс вел все осейджские аукционы. Умелый шоумен, он подбадривал участников торгов

шутками и прибаутками вроде: «Ну же, смелее, парни, эта «темная лошадка» может принести много жеребят!»¹⁵⁵

Поскольку первыми на торги выставлялись наименее ценные участки, обычно нефтяные бароны являлись не сразу, предоставляя делать начальные ставки новичкам. Присутствовавший на ряде осейджских аукционов Жан Пол Гетти вспоминал, как покупка могла полностью изменить судьбу предпринимателя: «Нередко нищий «дикий» нефтеразведчик на последние деньги арендовал один участок и, не располагая ни наличными, ни кредитом для покупки большего... попадал на месторождение и становился богачом»¹⁵⁶. В то же время неудачный выбор мог привести к банкротству: «Состояния составлялись и терялись каждый день».

Нефтепромышленники внимательно изучали геологические карты и пытались добыть секретные сведения о выставляемых на торги участках через специально нанятых геологоразведчиков и шпионов. После перерыва на ланч аукцион продолжался более ценными лотами, и взгляды толпы неизбежно обращались к нефтяным магнатам, чье могущество соперничало с влиятельностью железнодорожных и стальных баронов XIX века, если не превосходило ее. Некоторые из них уже начинали своей властью менять ход истории. В 1920 году Синклер, Марлэнд и другие помогли финансировать успешную президентскую кампанию Уоррена Гардинга. Один нефтепромышленник из Оклахомы признался другу, что это обошлось им в миллион долларов. Однако оно того стоило – по замечанию историка, от предвкушения будущих выгод «у нефтепромышленников слюнки текли»¹⁵⁷. Под прикрытием подставной компании Синклер перевел новому министру внутренних дел, Элберту Б. Фоллу, 200 000 долларов, а другой нефтепромышленник передал ему через сына еще 100 000 в черном чемодане. Взамен министр разрешил баронам разрабатывать бесценные стратегические нефтяные запасы ВМФ. Синклер получил эксклюзивное право аренды месторождения «Типот-доум» в Вайоминге. Глава «Стандарт Ойл» предупреждал бывшего советника Гардинга: «Вижу, министерство внутренних дел готово заключить договор на аренду «Типот-доум», хотя эта сделка дурно пахнет. ... Я положительно считаю, что вам следует доложить обо всем президенту»¹⁵⁸.

Публика еще не ведала о взятках и почтительно расступалась, когда капиталистические короли шли к Вязу Миллионеров. В ходе торгов напряжение порой достигало точки кипения. Однажды Фрэнк Филлипс и Билл Скелли кинулись в драку и покатились по земле как бешеные еноты, а Синклер тем

временем кивнул аукционисту и остался триумфатором. Репортер писал: «Ветераны Нью-Йоркской фондовой биржи не видели более захватывающей борьбы за место под солнцем, чем известные на весь штат и всю страну владельцы нефтяных компаний, дерущиеся за участки»¹⁵⁹.

18 января 1923 года, пять месяцев спустя после убийства Макбрайда, многие крупные нефтепромышленники собрались на очередной аукцион. В зимнее время он проходил в театре «Константин», в Поксаке¹⁶⁰. Театр с греческими колоннами, фресками и ожерельем огней рампы считался «прекраснейшим общественным зданием в Оклахоме»¹⁶¹. Аукционист по традиции начал с менее ценных аренд.

– Сколько даете?¹⁶² – выкрикнул он. – Помните, ни один участок не продается дешевле пятисот долларов.

Голос из толпы:

– Пятьсот.

– Пять сотен есть, – гремел аукционист. – Кто даст шесть? После пяти идет шесть. Пять сотен, шесть сотен, пять сотен, шесть сотен – спасибо – шесть сотен, теперь нужно семь сотен, шесть сотен, семь сотен... – Он сделал паузу и выкрикнул: – Продано тому джентльмену за шестьсот долларов.

В течение дня выставляемые в аренду участки постоянно росли в цене: десять тысяч... пятьдесят... сто...

– Уолл-стрит просыпается, – съязвил аукционист.

Участок № 13 ушел Синклеру более чем за 600 000 долларов.

Аукционист сделал глубокий вдох.

– Номер четырнадцать, – проговорил он. Этот участок располагался посреди богатого месторождения Бербанк.

Толпа притихла. Затем бесцветный голос из середины зала произнес:

– Полмиллиона.

Это был представитель «Джипси Ойл Компани», дочки «Галф Ойл», сидевший с картой на коленях и не поднимавший от нее глаз.

– Кто даст шестьсот тысяч?

Аукционист славился умением разглядеть малейший кивок или жест участника торгов. Фрэнк Филлипс и один из его братьев пользовались едва заметными

сигналами – поднятием бровей или вспышкой огонька сигары. Фрэнк шутил, что однажды брат обошелся им в лишние сто тысяч, прибив муху.

Зная свою аудиторию, аукционист указал на седовласого мужчину, сжимавшего в зубах незажженную сигару. Тот представлял консорциум, включавший Фрэнка Филлипса и Скелли – давних соперников, а ныне объединивших усилия союзников. Седовласый едва заметно кивнул.

– Семьсот тысяч, – выкрикнул аукционист, тут же указав на первого предложившего. Еще один кивок.

– Восемьсот тысяч.

Вновь поворот к первому участнику торгов, мужчине с картой.

– Девятьсот тысяч, – произнес тот.

Снова кивок седовласого мужчины с незажженной сигарой.

– Один миллион долларов, – проревел аукционист.

Однако ставки продолжали расти.

– Миллион сто тысяч, кто даст миллион двести?

На сей раз в зале наконец повисло молчание. Аукционист уставился на седовласого, продолжавшего жевать незажженную сигару. Журналист в зале заметил:

– Кому-то хочется на свежий воздух.

Аукционист проговорил:

– Это Бербанк, ребята. Не глядите в пол.

Никто не проронил ни слова.

– Продано! – прокричал аукционист. – За один миллион сто тысяч долларов.

Каждый следующий аукцион, казалось, превосходил предыдущий как величиной отдельного предложения, так и общей вырученной суммой. Аренда одного участка ушла почти за два миллиона, а максимальный сбор достиг без малого 14 миллионов долларов. Журналист ежемесячника «Харперс мансли мэгэзин» писал: «Когда это закончится? С каждой новой пробуренной скважиной индейцы богатеют все больше и больше»¹⁶³. И добавлял: «Осейджи становятся настолько богатыми, что с этим нужно что-то делать»¹⁶⁴.

Всевозрастающее число белых американцев тревожило богатство осейджей – возмущение умело подогревала пресса. Журналисты рассказывали часто приукрашенные дикими подробностями истории про осейджей, выбрасывавших рояли на лужайки у дома или покупавших новый автомобиль, когда у старого прокалывалась шина. Журнал «Трэвел» писал: «Сегодня индеец-осейдж – король расточительности. По сравнению с ним мотовство блудного сына с его любовью к внешней мишуре – просто образец бережливости». В том же духе было выдержано и письмо в редакцию еженедельника «ИнDEPENDENT», где осейджи приводились как пример никчемных людей, разбогатевших «просто потому, что правительство, к несчастью, поселило их на земле, богатой нефтью, которую мы, белые, для них добыли»¹⁶⁵. Джон Джозеф Мэтьюз с горечью вспоминал журналистскую братию, «потешавшуюся с обычным самодовольным благоразумием стороннего наблюдателя над причудливым влиянием внезапного богатства на людей неолита»¹⁶⁶.

При этом в статьях почти или совсем не упоминалось о множестве осейджей, разумно вложивших свои деньги, или традициях предков, считавших проявление щедрости престижным для всего племени¹⁶⁷. К тому же в «ревущие двадцатые», время, названное Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом «величайшим и самым веселым кутежом в истории»¹⁶⁸, осейджи были отнюдь не единоки в своей расточительности. Нефтяной магнат Марлэнд, открывший месторождение Бербанк, возвел в Понка-Сити 22-комнатный особняк, который потом забросил ради еще большего дворца. Интерьеры последнего повторяли убранство флорентийского палаццо Даванцати XIV века, здесь было 55 комнат (в том числе бальный зал с покрытым сусальным золотом потолком и люстрами уотерфордского хрустала), 12 ванных комнат, 7 каминов, 3 кухни и лифт, отделанный бизоньими шкурами. В угодьях располагался плавательный бассейн, поля для игры в поло и гольф и пять озер с островами. На вопрос об излишествах Марлэнд даже не думал оправдываться: «Для меня предназначение денег состоит в том, чтобы покупать и строить. Что я и сделал. Если вы это имеете в виду, тогда я виновен»¹⁶⁹. Однако всего через несколько лет он был настолько разорен, что не мог оплатить счета за электричество, и вынужденно съехал из особняка. После пробы сил в политике он попытался открыть еще один нефтяной фонтан, но потерпел неудачу. Его архитектор вспоминал: «В последний раз я видел его где-то на северо-востоке от города, сидящим на какой-то бочке. Шел дождь, он был в плаще и зюйдвестке и просто сидел не двигаясь, совершенно подавленный. Два или три человека работали на

переносной буровой установке в надежде найти нефть. Я ушел буквально с комом в горле и слезами на глазах»¹⁷⁰. Еще один известный нефтепромышленник в Оклахоме так же быстро промотал 50 миллионов долларов и остался на бобах.

Многие осейджи, в отличие от прочих богатых американцев, не могли тратить свои деньги как им заблагорассудится, потому что федеральное правительство учредило систему финансовых опекунов (один из них утверждал, что взрослый осейдж «как шестилетний или восьмилетний ребенок – едва видит новую игрушку, как тут же хочет ее купить»¹⁷¹). Закон устанавливал, что опекуны назначались всякому индейцу, которого министерство внутренних дел считет «недееспособным». На практике решение, фактически поражавшее в гражданских правах, почти всегда основывалось на доле индейской крови владельца собственности или том, что Верховный суд штата определял как «расовую слабость»¹⁷². Опекун неизменно назначался чистокровному индейцу и редко – человеку смешанного происхождения. Сирота и наполовину сиу Джон Палмер, усыновленный осейджской семьей и сыгравший столь важную роль в отстаивании прав племени на полезные ископаемые, призывал конгрессменов: «Пусть не доля белой или индейской крови определяет, что забрать и что оставить членам племени. Дело не в ней. Вы, господа, не должны этим заниматься»¹⁷³.

Подобные призывы, разумеется, игнорировались, и конгрессмены собирались в обшитых деревянными панелями залах заседаний комитетов и часами в мельчайших подробностях изучали траты осейджей, словно на карту была поставлена государственная безопасность. На слушаниях подкомитета Палаты представителей 1920 года законодатели произвели тщательный анализ отчета государственного ревизора, направленного изучить характер текущих расходов племени, в том числе и семьи Молли. Тот, в частности, с порицанием представил одно из приложений: счет в мясной лавке на 319 долларов и 5 центов, накопившийся перед смертью у матери Молли Лиззи.

Ревизор настаивал на том, что соглашение о правах племени на нефть было заключено правительством не иначе как под властью дьявольского наваждения. Исполненный мрачного негодования, он возгласил: «Я побывал и работал в большинстве городов нашей страны и более или менее знаком с их отвратительными язвами и ужасающими клоаками. Но пока не приехал к этим индейцам, никогда до конца не понимал истории Содома и Гоморры, уничтожение и гибель которых были карой за их грехи и пороки»¹⁷⁴.

Он умолял Конгресс принять более активные меры. «Любой белый в округе Осейдж скажет вам, что индейцы буквально сорвались с цепи¹⁷⁵, – заявил он и добавил: – Пришел день, когда мы должны ограничить их траты или изгнать из наших сердец и совести всякую надежду сделать из осейджа настоящего гражданина».

Отдельные конгрессмены и свидетели попытались смягчить кампанию по превращению осейджей в козлов отпущения. На следующих слушаниях даже сам бывший опекуном судья признал, что богатые индейцы тратят деньги точно так же, как и белые. «В этих осейджах немало человеческого»¹⁷⁶, – сказал он. Хэйл также утверждал, что правительство не вправе диктовать членам племени финансовые решения.

Однако в 1921 году, так же, как когда-то в качестве оплаты за захваченные у осейджей земли ввели систему пайков – и, как всегда, превращая проповедь просвещения в молот принуждения, – Конгресс принял еще более драконовский закон, регулирующий, как индейцам распоряжаться своими деньгами. Опекуны не только продолжили контролировать финансы подопечных – по новому закону «ограничивались» даже осейджи с опекунами. Теперь каждый из них ежегодно мог потратить из своей доли фонда нефтяных доходов не более нескольких тысяч долларов. При этом не принималось во внимание, что деньги могли потребоваться на оплату образования или лечения заболевшего ребенка. «У нас много маленьких детей¹⁷⁷, – выступил в прессе последний потомственный вождь племени, которому было уже за восемьдесят. – Мы хотим их растить и учить. Мы хотим, чтобы они жили в комфорте, и не хотим, чтобы кто-то, кому нет дела до нас, придерживал наши деньги. Они нужны нам сейчас. Они у нас есть. Они наши, и мы не желаем, чтобы какой-то самодур не позволял нам ими пользоваться... Это несправедливо. Мы не желаем, чтобы с нами обращались как с малыми детьми. Мы взрослые люди и способны сами о себе позаботиться». Молли, как чистокровная осейджка, также оказалась в числе тех, на чьи деньги налагались ограничения. По крайней мере, ее опекуном был муж, Эрнест.

В финансовые дела племени вмешивалось не только федеральное правительство. Вокруг денег осейджей так и кружили хищники – «стая стервятников»¹⁷⁸, как посетовал один индеец на заседании совета. За их счет всячески стремились поживиться продажные местные чиновники. На деньги в банках нацеливались грабители. Торговцы заламывали «особые» – то есть вздутые до небес – цены. Поражением чистокровных осейджей в правах пользовались нечистые на руку бухгалтеры и юристы. В Орегоне нашлась даже

тридцатилетняя белая женщина, в поисках состоятельного мужа прямо писавшая в совет племени: «Пожалуйста, скажите самому богатому индейцу, которого знаете, что я добродетельна и честна настолько, насколько возможно»¹⁷⁹.

На одном из слушаний в Конгрессе другой вождь осейджей по имени Бэкон Ринд заявил, что белые «загнали нас сюда, в глушь, в самые дикие земли Соединенных Штатов, думая: «Отправим этих индейцев туда, где нет ничего, кроме большой кучи камней – пусть живут там»¹⁸⁰. А сейчас, когда оказалось, что куча камней стоит миллионы долларов, все хотят сюда попасть и получить часть этих денег».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подробнее об осейджском представлении о месяце, убивающем цветы, см. Mathews «*Talking to the Moon*».
2. Там же, 61.
3. Описание исчезновения Анны Браун и ее последнего визита в дом Молли Беркхарт взято в первую очередь из показаний свидетелей. Многие из них неоднократно говорили с множеством следователей, в том числе агентами ФБР, и частными детективами. Эти свидетели также часто давали показания в ходе ряда судебных процессов. Для получения дополнительной информации см. документы в NARA-CP и NARA-FW.
4. Цитируется в Franks, *Osage Oil Boom*, 117.
5. Sherman Rogers, «*Red Men in Gas Buggies*», Outlook, 22 августа 1923 года.
6. Estelle Aubrey Brown, «*Our Plutocratic Osage Indians*», Travel, октябрь 1922.
7. William G. Shepherd, «*Lo, the Rich Indian!*», Harper's Monthly, ноябрь 1920 года.
8. Brown, «*Our Plutocratic Osage Indians*».
9. Elmer T. Peterson, «*Miracle of Oil*», Independent (N.Y.), 26 апреля 1924 года.
10. Цитируется в Harmon, *Rich Indians*, 140.
11. Там же, 179.
12. Brown, «*Our Plutocratic Osage Indians*».
13. Oklahoma City Times, 26 октября 1959 года.
14. При рождении ему дали имя Байрон, но он стал называть себя Брайан. Во избежание путаницы я всюду называю его Брайаном.
15. Заявление Х. С. Трэйлора, подкомитет Конгресса США по делам индейцев, *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 202.
16. Отчет Тома Уайза и Джона Бергера, 10 января 1924 года, FBI.
17. Свидетельские показания перед большим жюри Марты Даути, NARA-FW.
18. Свидетельские показания перед большим жюри Анны Ситтерли, NARA-FW.
19. Там же.
20. Информация об исчезновении Уайтхорна почерпнута в основном из местных газет и отчетов частных детективов и агентов ФБР в Национальном управлении архивов и документации.
21. Следует отметить, что в одной газетной статье говорится, что жена Уайтхорна была наполовину чероки. Тем не менее в документах ФБР она названа шайеннкой.
22. Pawhuska Daily Capital, 30 мая 1921 года.
23. Слова охотников приводятся по свидетельским показаниям перед большим жюри, NARA-FW.
24. Отчет Уайза и Бергера, 10 января 1924 года, FBI.
25. Свидетельские показания перед большим жюри Ф. С. Тертона, NARA-FW.
26. Свидетельские показания перед большим жюри Энди Смита, NARA-FW.
27. Описание коронерского дознания основывается главным образом на показаниях очевидцев, в том числе и братьев Шоун. Подробнее см. документы в NARA-CP и NARA-FW.
28. Цитируется в A. L. Sainer, *Law Is Justice: Notable Opinions of Mr. Justice Cardozo* (New York: Ad Press, 1938), 209.
29. Цитируется в Wagner, *Science of Sherlock Holmes*, 8.
30. Свидетельские показания перед большим жюри Энди Смита, NARA-FW.
31. Цитируется в Cordry, *Alive If Possible – Dead If Necessary*, 238.

- 32.Thoburn, Standard History of Oklahoma, 1833.
- 33.Свидетельские показания перед большим жюри Роя Шеррилла, NARA-FW.
- 34.Shawnee News, 11 мая 1911 года.
- 35.Свидетельские показания перед большим жюри Дэвида Шоуна, NARA-FW.
- 36.Цитируется в Wilson, «Osage Indian Women During a Century of Change», 188.
- 37.Описание похорон основано преимущественно на заявлениях свидетелей, в том числе гробовщика, и интервью с потомками присутствовавших.
- 38.А. Ф. Мосс М. Е. Траппу, 18 ноября 1926 года, OSARM.
- 39.Заявление А. Т. Вудворда, Комитет Конгресса США по делам индейцев, *Modifying Osage Fund Restrictions*, 103.
- 40.Осейджи обычно хоронили своих мертвцевов над землей, в пирамидах из камней. Когда в конце XIX века вождя осейджей похоронили под землей, его жена сказала: «Я сказала, что все будет хорошо, если мы разрисуем лицо моего мужа; если мы завернем моего мужа в одеяло. Он хотел быть похороненным в могиле белого человека. Я сказала, что все будет в порядке. Я сказала, что мы разрисуем лицо моего мужа, и он не заблудится на небесах индейцев».
- 41.Из вступления Mathews, *Osages*.
- 42.Pawhuska Daily Capital, 28 мая 1921 года.
- 43.Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 442.
- 44.Modesto News-Herald, 18 ноября 1928 года.
- 45.Мой портрет Уильяма Хэйла основан на нескольких источниках, включая протоколы судебных заседаний, устные предания осейджей, отчеты ФБР, тогдашние газетные статьи, переписку Хэйла и мои интервью с потомками участников событий.
- 46.Вступительная речь Сарджента Прентисса Фрилинга, *U.S. v. John Ramsey and William K. Hale*, октябрь 1926 года, NARA-FW.
- 47.Статья Мервина Эберле, «'King of Osage' Has Had Long Colorful Career», без указания даты, OHS.
- 48.Guthrie Leader, 5 января 1926 года.
- 49.Пауни Билл Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.
- 50.К. К. Котманн Джеймсу А. Финчу, без указания даты, NARA-CP.
- 51.М. Б. Прентисс Джеймсу А. Финчу, 3 сентября, 1935 года, NARA-CP.
- 52.Хэйл Уилсону Кирку, 27 ноября 1931 года, ONM.
- 53.Tulsa Tribune, 7 июня 1926 года.
- 54.Дж. Джордж Райт Чарльзу Берку, 24 июня 1926 года, NARA-CP.
- 55.Свидетельские показания Молли Беркхарт перед адвокатом племени и другими официальными лицами, NARA-FW.
- 56.Свидетельские показания перед коронерским расследованием Брайана Беркхарта, в отчете бюро, 15 августа 1923 года, FBI.
- 57.Свидетельские показания перед большим жюри Эрнеста Беркхарта, NARA-FW.
- 58.Boorstin, *Americans*, 81.
- 59.Джеймс Г. Финдли Уильяму Дж. Бёрнсу, 23 апреля 1923 года, FBI.
- 60.McConal, *Over the Wall*, 19.
- 61.Arizona Republican, 5 октября 1923 года.
- 62.Журналы частных детективов, включенные в отчет, 12 июля 1923 года, FBI.
- 63.Там же.
- 64.Pawhuska Daily Capital, 29 июля 1921 года.
- 65.Pawhuska Daily Capital, 23 июля 1921 года.
- 66.Цитируется в Crockett, *Serial Murderers*, 352.
- 67.Roff, *Boom Town Lawyer in the Osage*, 106.
- 68.Там же, 107.
- 69.Свидетельские показания перед большим жюри Ф. С. Тертона, NARA-FW.
- 70.Pawhuska Daily Capital, 30 мая 1921 года.
- 71.Frank F. Finney, «At Home with the Osages», Finney Papers, UOWHC.
- 72.Описывая историю осейджей, я пользовался несколькими превосходными работами. См. Louis F. Burns, *History of the Osage People*; Mathews, *Wah'kon-Tah*; Wilson, *Underground Reservation*; Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*; и Bailey, *Changes in Osage Social Organization*. Я также привлек отчеты и документы племенного совета, содержащиеся в бумагах Агентства индейцев осейдж, NARA-FW.
- 73.Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 140.
- 74.Там же.
- 75.Цитируется в Ambrose, *Undaunted Courage*, 343.
- 76.Mathews, *Osages*, 271.
- 77.В существующих документах ее осейджское имя не указано.
- 78.Документы наследственного дела матери Молли, Лиззи, «Application for Certificate of Competency», 1 февраля 1911 года, NARA-FW.
- 79.Tixier, *Tixier's Travels on the Osage Prairies*, 191.
- 80.Там же, 192.
- 81.Цитируется в Brown, *Frontiersman*, 245.
- 82.Wilder, *Little House on the Prairie*, 46-47 (перевод М. И. Беккер).
- 83.Цитируется в Wilson, *Underground Reservation*, 18.

- 84.Исаак Т. Гибсон Эноху Хоагу, *Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior for the Year 1871*, 906.
- 85.Mathews, *Wah'kon-Tah*, 33-34.
- 86.Цитируется в Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 448.
- 87.Управление по делам индейцев было переименовано в Бюро по делам индейцев в 1947 году.
- 88.Гибсон Хоагу, в *Report of the Commissioner of Indian Affairs to the Secretary of the Interior for the Year 1871*, 487.
- 89.Finney and Thoburn, «Reminiscences of a Trader in the Osage Country», 149.
- 90.Цитируется в Merchant, *American Environmental History*, 20
- 91.Mathews, *Wah'kon-Tah*, 30.
- 92.Информация об осейджской делегации, включая цитаты, из отчетов Мэтьюза в той же книге, 35-38.
- 93.Frank F. Finney, «At Home with the Osages».
- 94.Там же.
- 95.Louis F. Burns, *History of the Osage People*, 91.
- 96.Mathews, *Wah'kon-Tah*, 79.
- 97.Mathews, *Sundown*, 23.
- 98.Цитируется в McAuliffe, *Deaths of Sybil Bolton*, 215-216.
- 99.Mathews, *Wah'kon-Tah*, 311.
- 100.*Daily Oklahoma State Capital*, 18 сентября 1893 года.
- 101.*Daily Oklahoma State Capital*, 16 сентября 1893 года.
- 102.Цитируется в Trachtenberg, *Incorporation of America*, 34.
- 103.*Wah-sha-she News*, 23 июня 1894 года.
- 104.Russell, «Chief James Bigheart of the Osages», 892.
- 105.Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 2048.
- 106.Цитируется в *Leases for Oil and Gas Purposes, Osage National Council*, 154.
- 107.*Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 398.
- 108.Многим белым поселенцам удалось обманным путем проникнуть в список членов племени и, в конце концов, сделать состояние на нефтяных доходах, принадлежавших осейджам. Антрополог Гаррик Бэйли подсчитал, что сумма денег, похищенных у осейджей, составляла не менее 100 миллионов долларов.
- 109.Цитируется в Franks, *Osage Oil Boom*, 75.
- 110.Mathews, *Life and Death of an Oilman*, 116.
- 111.Gregory, *Oil in Oklahoma*, 13-14.
- 112.Цитируется в Miller, *House of Getty*, 1881.
- 113.Документы завещания Анны Браун, «Application for Authority to Offer Cash Reward», NARA-FW.
- 114.Н. L. Macon, «Mass Murder of the Osages», *West*, декабрь 1965 года.
- 115.*Ada Weekly News*, 23 февраля 1922 года.
- 116.Summerscale, *Suspicions of Mr. Whicher*, xii.
- 117.Подробнее о происхождении выражения «ученики дьявола» см. Lukas, *Big Trouble*, 76.
- 118.Pinkerton's National Detective Agency, *General Principles and Rules of Pinkerton's National Detective Agency*, LOC.
- 119.McWatters, *Knots Untied*, 664-665.
- 120.Shepherd, «Lo, the Rich Indian!»
- 121.William J. Burns, *Masked War*, 10.
- 122.*New York Times*, 4 декабря 1911 года.
- 123.Цитируется в Hunt, *Front-Page Detective*, 104.
- 124.Описание деятельности частных детективов позаимствовано из их служебных ежедневников, включенных в отчетах бюро Джеймса Финдли, июль 1923 года, FBI.
- 125.Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.
- 126.Свидетельские показания перед большим жюри Анны Ситтерли, NARA-FW.
- 127.Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.
- 128.Там же.
- 129.Там же.
- 130.Pinkerton's National Detective Agency, *General Principles and Rules of Pinkerton's National Detective Agency*, LOC.
- 131.Там же.
- 132.Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.
- 133.Там же.
- 134.Отчет Финдли, 10 июля 1923 года, FBI.
- 135.*Mollie Burkhart et al. v. Ella Rogers*, Supreme Court of the State of Oklahoma, NARA-FW.
- 136.Там же.
- 137.Там же.
- 138.«Scientific Eavesdropping», *Literary Digest*, 15 июня 1912 года.
- 139.Свидетельские показания перед большим жюри Боба Картера, NARA-FW.
- 140.In proceedings of *Ware v. Beach*, Supreme Court of the State of Oklahoma, Comstock Family Papers.
- 141.Отчет Финдли, 13 июля 1923 года, FBI.
- 142.Christison, *Treatise on Poisons in Relation to Medical Jurisprudence, Physiology, and the Practice of Physic*, 684.
- 143.Там же.
- 144.Oscar T. Schultz and E. M. Morgan, «The Coroner and the Medical Examiner», *Bulletin of the National Research Council*, июль 1928 года.
- 145.*Washington Post*, 17 ноября 1935 года.
- 146.*Washington Post*, 6 сентября 1922 года.
- 147.*Washington Post*, 14 июля 1923 года.
- 148.*Washington Post*, 12 марта 1925 года.
- 149.*Pawhuska Daily Journal*, 18 марта 1925 года.

150. *Pawhuska Daily Capital*, 14 июня 1921 года.
151. *Pawhuska Daily Capital*, 5 апреля 1923 года.
152. Rister, *Oil!*, 190.
153. *Daily Oklahoman*, 28 января 1923 года.
154. *Ada Evening News*, 24 декабря 1924 года.
155. *Daily Journal-Capital*, 29 марта 1928 года.
156. Gunther, *The Very, Very Rich and How They Got That Way*, 124.
157. Цитируется в Allen, *Only Yesterday*, 129.
158. Цитируется в McCartney, *The Teapot Dome Scandal*, 113.
159. *Pawhuska Daily Capital*, 6 апреля 1923 года.
160. Мое описание аукциона основано на материале статей из местных газет, в особенности подробной статьи в *Daily Oklahoman*, 28 января 1923 года.
161. Thoburn, *Standard History of Oklahoma*, 1989.
162. *Daily Oklahoman*, 28 января 1923 года.
163. Shepherd, «Lo, the Rich Indian!»
164. Brown, «Our Plutocratic Osage Indians».
165. Цитируется в Harmon, *Rich Indians*, 181.
166. Там же, 185.
167. Подробнее об этом см. там же.
168. F. Scott Fitzgerald, *The Crack-Up* (1945; repr., New York: New Directions, 2009), 87.
169. Gregory, *Oil in Oklahoma*, 40.
170. Там же, 43.
171. *Modifying Osage Fund Restrictions*, 73.
172. Из решения по делу *Barnett v. Barnett*, Supreme Court of Oklahoma, 13 июля 1926 года.
173. *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 399.
174. Х. С. Трэйлор Като Селлс, в *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 201.
175. Там же, 204.
176. *Modifying Osage Fund Restrictions*, 60.
177. *Pawhuska Daily Capital*, 19 ноября 1921 года.
178. Стенограмма заседания племенного совета осейджей, 1 ноября 1926 года, ONM.
179. *Pawhuska Daily Capital*, 22 декабря 1921 года.
180. *Indians of the United States: Investigation of the Field Service*, 281.